

ЗАХАРОВА ТАТЬЯНА

16+

Искрящая
Лжеперчатка

Татьяна Захарова
Носящая ЛжеПечать

«Автор»

2019

Захарова Т.

Носящая ЛжеПечать / Т. Захарова — «Автор», 2019

Прошло шесть лет после вторжения инопланетян. Мир изменился к лучшему, но не все согласны с новым режимом. Камень преткновения - Печать Ветра, которую должны носить все земляне.

© Захарова Т., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Татьяна Захарова

Носящая ЛжеПечать

Пролог

Репортажи на центральных каналах России в 8.00 часов утра по московскому времени:
«Накануне вечером множество свидетелей видели странные объекты, внезапно появившиеся в небе. По только что полученным нами сведениям такое происходит в данный момент по всей планете».

13.43 экстренный репортаж: «Над крупнейшими столицами мира были замечены зависшие инопланетные космические корабли. Население в панике. Главы правительств только разводят руками. Мобилизуются вооруженные силы всех стран. Что же нас ждет? Неужели это и есть тот самый конец света, предсказанный ещё Империей Майя? С вами была, я Ксения Разбедина, новости, первый канал».

16.41 экстренный репортаж: «Неопознанный летающий объект, зависший над Москвой сместился к Воробьевым горам и начал снижаться несколько минут назад. Наша съемочная бригада уже приближается к месту событий. Насколько отсюда можно видеть они собираются делать посадку...»

Глава 1

Печать Ветра

Я взглянула в зеркало и поправила свою прическу. Взор привычно задержался на Печати Ветра. Последнее слово всегда вызывало у меня кривую усмешку. Почему именно Ветра? Потому что легкий бриз выветрил из нашей головы негативные эмоции, и теперь все мы суперлюди. Новая раса, точнее, это стоит даже выше расы. Потому что эту метку носит все население планеты. Конечно, кроме неогуманоидов – существ наполовину людей, наполовину диамонгов. Или точнее диамонг, вселившийся в тело человека. Инопланетяне утверждают, что душа человека при этом не умирает и не исчезает, а просто мирно соседствует с диамонгом. Люди, которые соглашались на это соседство (а желающих довольно-таки много), сразу приобретали новый статус в обществе вместе со всевозможными привилегиями. Их главной опознавательной чертой являются глаза с фиолетовым оттенком, без радужной оболочки и зрачка. Чтобы это не так сильно смущало людей, они часто надевают специальные линзы, которые делают их глаза более привычными.

Но это не единственное отличие неогуманоидов от других людей. Температура их тела на несколько градусов ниже человеческой. Неогуманоиды, точнее диамонги, не любят высоких температур, она их, можно сказать, обжигает и они начинают постепенно снижать температуру тела принявшего их существа. Но чем сильнее инопланетянин, тем выше температура тела человека. Наверное, этим они показывают силу и статус данного неогуманоида. Ещё они умеют читать мысли обычных людей. Для них мы – открытая книга.

Выше неогуманоидов только сами диамонги в своем естественном облики. Но про них нам, простым смертным, почти ничего не известно.

Кстати, для тех кто ещё не понял, посты глав государств теперь занимают только неогуманоиды. Еще пять с половиной лет тому назад, когда они только появились и настояли на встрече со всеми главами крупных государств, их главным обликием было обликие диамонга. Они пообещали нам помощь, в обмен на спасение природы нашей планеты, иными словами в обмен на нашу повышенную заботу о Земле. И не на бумаге, а на самом деле.

И хотя к тому времени вот уже несколько лет активно обсуждались вопросы экологии, реальных результатов это не приносило. В общем несмотря на то, что многие политики не верили в приближающийся «конец света», все согласились обсудить их требования на международной конференции. Первое заседание тогда даже показали всему миру по прямой трансляции. Первым и основным требованием инопланетян было: отказ от ядерного оружия, полный отказ с уничтожением всех сведений, материалов и разработок в этой области. Диамонги предложили свою помощь также и в этом. Остальное: сокращение выбросов углекислого газа, внедрение новых инопланетных установок по очищению атмосферы, гидросферы – все это не требовало особых дискуссий. Но ядерное оружие, а также знаменитый Большой адронный коллайдер, вызвали кучу споров. Возможно, уже тогда в планах диамонгов были и все остальные новшества, которые они внедрились позже, но на первом обсуждении они не стали поднимать другие вопросы. Первоначальная их задача: спасти нашу планету Земля!

Я никогда не забуду слова одного диамонга ещё перед конференцией: «Обычно мы не вмешиваемся в дела более низкоразвитых представителей разумных форм жизни. Но в этот раз мы не смогли остаться в стороне. Ваша планета так прекрасна и величественна... и на ней живут такие разные люди... Здесь самый последний нищий может отдать все, что у него есть, нуждающемуся. Здесь мы видели проявление такой любви, такого милосердия, а порой

жестокости и эгоистичности... Вы такая интересная и многообразная раса... Мы не можем дать погибнуть этой планете и вам...»

Первое заседание закончилось не очень результативно. Практически безоговорочно было принято внедрение новых очистительных сооружений, вот только на главное требование правители государств так и не согласились. Они обещали обсудить этот вопрос со своими правительствами и сказали что окончательно примут решение на следующем заседании, которое будет через день. На это заседание репортеров уже не пустили, и никто (кроме участников) точно не знает, что там произошло.

Но диамонги помогли нам пережить «конец света». Они не дали нам погибнуть. В прессе за месяц до этого началось что-то нереальное на тему приближающегося к Земле космического тела (сначала его называли крупным астероидом, позже уже планетой). Врезаться в Земли оно не должно было, но по предсказаниям астрономов, под её влияние должен был произойти сдвиг магнитных полюсов. Они за несколько дней помогли нам подготовиться к смене магнитных полюсов. Восстановили электростанции за несколько дней и легко исцелили пострадавших людей за пару месяцев. Но, по-моему личному мнению, предсказание Нострадамуса сбылось: история человечества прекратилась. Неминуемо и бесповоротно уже началась другая история: неогуманоидов, диамонгов и новых сверхлюдей.

Конечно, печать Ветра, а, следовательно, сверхлюди, появились далеко не сразу. Где-то через полгода после появления диамонгов. Они представили миру свое изобретение. Эта печать, как бы лучше объяснить, избавляет человека от негативных эмоций. Гнев, ненависть, страх, боль, печаль, жадность, эгоистичность, жестокость исчезают из вашей души после процедуры «опечатывания». Как говорили неогуманоиды: «Печать исцеляет вашу Душу от изъязнов и ран. Никто и никогда больше не испытает муку и отчаяние, и никто и никогда не захочет причинить боль другим». Пару месяцев изобретение испытывали на добровольцах. Результаты демонстрировали по всем каналам всего мира. Естественно они были положительными.

А потом... эта Печать стала обязательной для всех. На «опечатывание» давалось три месяца. Необходимое оборудование было доставлено во все центральные больницы всех городов мира. Для сельских жителей был предусмотрен более длительный срок (в общей сложности около года). Для «опечатывания» не надо было заполнять никаких документов, не надо было проходить какие-то обследования. А ещё давалось два выходных дня (хотя сама процедура «опечатывания» занимала около 24 часов). Хотя в принципе её можно было пройти и в выходные.

Результаты массового «опечатывания» не заставили себя ждать. Уже спустя несколько недель уровень преступности во всем мире резко упал. А по истечении нескольких месяцев снизился почти до нуля.

Теперь самое страшное преступление в этом Новом Мире – это ношение ЛжеПечати. Говорят, где-то даже идет противостояние людей, простых людей против неогуманоидов. Но обычным людям об этом почти ничего не известно. Иногда по телевизору показывают разыскиваемых преступников, носящих ЛжеПечать, обещают вознаграждения всем тем, кто что-нибудь сообщит об их месте нахождения. Но это бывает крайне редко.

Если говорить в общих чертах, то на Земле наступил, наконец, долгожданный мир. Страны процветают; природа воскрешается практически из мертвых; высокотоксичное производство закрыто, и никто не возмущается из-за потери прибыльных секторов экономики. А ядерное оружие осталось далеко в прошлом, и страхом погибнуть от него или от радиации ни у кого не осталось. Так что все просто замечательно! Великолепно! Если бы не одно но!!! Возможно вы бы никогда не прочитали мои мемуары... нет, это наверняка, если бы я не совершила самое ужасное преступление нынешнего времени. И самое смешное я даже не знаю, как я это сделала, но... Я НОСЯЩАЯ ЛЖЕПЕЧАТЬ!

И ни капельки в этом не раскаиваюсь! Ни сколочко!!!! Даже зная, чем мне это грозит, даже живя в постоянном страхе разоблачения, я не жалею об этом. Я ни кому и никогда не отдала бы свою боль, свой страх и обиду. Вы недоуменно приподнимаете бровь? Не понимаете меня? Я об этом вас и не прошу.

Моя боль и мой гнев сделали меня такой, какая я есть, и я не хочу потерять себя. Не хотела я этого и пять лет назад. Уже тогда я осознавала, что даже без этих чувств я перестану быть человеком. Я понимала, что после «опечатывания», я стану не сверхчеловеком, а недочеловеком. Как можно познать истинное счастье, если ты не знаешь, что такое горе? Как можно наслаждаться смехом, если ты забыл, что вызывает слезы?..

Интересно почему диамонги, заинтересовавшись многогранностью и многообразием наших характеров решили сделать нас одинаковыми? Ещё тогда я задумывалась об этом. Инопланетяне не предполагали того, что стирая наши негативные эмоции они могут смазать и хорошие качества. Или же они понимали, что такие чувства, как любовь, дружба и сострадание могут также толкать на преступление. Что мать не задумываясь украдет хлеб для голодного ребенка, и не только для своего? Что ради близкого друга можно пойти и на преступление? Что русский взнос за счастье милых не кошелек, а голова? Сори, не удержалась от цитаты из моей любимой песни!

Нет, эти чувства не умерли после «опечатывания»... Но они потускнели! Пять лет назад, когда проводилось массовая операция, я стала замечать, что все мои знакомые после неё становились не столько лучше, сколько спокойней! Негатива от них не было, но и позитива было не так уж и много. Исчезла из них какая-то задорность, веселость, бесшабашность. И ещё... чувства даже страстно влюбленных парочек остывали. Нет, они не разрывали отношения, не ссорились и не отдалялись друг от друга. Но куда-то пропала глубина, изюминка, особая нежность в их отношениях. Я бы сказала: ушла сама влюбленность, оставляя просто привязанность. Но, наверное, я тогда слишком сгущала краски, боясь предстоящего «опечатывания».

Я вообще очень законопослушная девушка и не пыталась тогда пойти против системы. Да и что я могла сделать одна, против остального мира! Просто не хотела превращаться в зомби! Да, тогда я сверхлюдей именно так и называла, хотя до ходячих трупов им было очень далеко! Даже в 19 лет я это понимала! И ещё я понимала, что общество, в котором я жила не особо изменилось от этих Печатей. В смысле сильных эмоций: многие и без Печатей стали безразличны к окружающему их миру. В начале XXI века человек был настолько зациклен на себе и собственных проблемах, что переставал замечать беды других людей. Не все, но многие! А насчет влюбленности? Не знаю, может я и не права, но самая яркая и безрассудная и бесшабашная – это первая любовь! Больше никогда человек так не рискует своим сердцем, или просто уже не может так влюбляться. Боятся кому-то вновь доверить свое сердце! Или не могут? Даже те, чья первая любовь была вполне удачной и взаимной, никогда больше не влюбляются так сильно!

Ну а что касается меня, то моя первая любовь была полным провалом. Он меня просто не замечал. А когда я, набравшись смелости, пригласила его на танец на дискотеке, он... Нет, он не отказал, хотя лучше бы он это сделал. Затаив дыхание, я призналась ему, что он мне очень-очень нравится, а он усмехнулся и сказал, что я ещё слишком маленькая и ещё встречу своего принца. А после танца исчез с вечеринки вместе со своей девушкой. Да, у него была девушка: тоже с последнего курса. Я была только на первом, хотя учебный год и подходил к концу. И именно потому, что объект моей влюбленности заканчивал институт, я и пошла на столь отчаянный шаг.

Но это небольшое отступление от темы. В общем, в 19 лет я ещё не до конца излечилась от своей первой любви, хотя и видела его за прошедший год всего пару раз, и то совершенно случайно. Я знала, что Печать поможет мне окончательно исцелиться, выгонит тоску из моего сердца прочь, но... Как я уже говорила я не хотела стать зомби... Но в конце трехмесячного

срока я послушно направилась в клинику. А что оставалось делать? Я подозревала, что тех кто добровольно не пройдет «опечатывание», просто заставят это сделать. Так и произошло! Последнее, что я помню про тот день, это как я собиралась в клинику. Я ещё сомневалась, в какую клинику мне следует отправиться.

Следующее воспоминание – то как я очнулась спустя 24 часа. Я была дома, в своей комнате, на левой руке красовалась Печать, а в правой сложенный листок бумаги. Я растерянно посмотрела по сторонам, ничего не понимая, и развернула листок, с напечатанным текстом. Записка гласила следующее:

«Ваша Печать – ненастоящая! В целях нашей собственной безопасности после нанесения Печати, вы переночевали у нас. Пять минут назад вы приняли таблетку, полностью стирающую вам память. Вы не будете ничего помнить и никогда не сможете восстановить события последних 24 часов. Раз в три месяца в последний четверг в восемь часов вечера вам нужно будет забирать из почтового ящика крем для понижения температуры кожи на 1,5-2 градуса, такая температура сейчас у всех сверхлюдей. ».

Желаем удачи!

Носящие ЛжеПечать.

После прочтения сжечь»

И уже ниже написано моей рукой: «Я все ещё человек, просто человек! УРА!!!!». Рядом лежала ручка и какой-то крем. Перечитав записку несколько раз я радостно засмеялась и побежала сжигать её.

С тех пор прошло почти пять лет. И я ещё ни разу не жалела о своем преступлении. Даже когда сердце испуганно сжималось при виде полицейских. Любой из них мог потребовать показать Печать и несколько раз это уже со мной происходило. Пока ЛжеПечать меня ни разу не подводила. Правда, если бы среди полицейских был хоть один неогуманоид, он бы сразу почувствовал мой страх и тогда... мне была бы крышка! Я не знаю, что конкретно делают с Носящими ЛжеПечать. Думаю, что сначала как-то наказывают, а потом... «запечатывают», то есть наносят настоящую печать, даже если ты при этом будешь активно сопротивляться. Но это всего лишь мои догадки. Я все ещё помню, как после трехмесячного срока на улице хватали всех незапечатанных и увозили в ближайшую клинику. С каждым днем мне встречалось все меньше и меньше прохожих без печати, а потом их вообще не осталось. Русские никогда особо не сопротивлялись власти, вот и тогда все прошло тихо и спокойно. Хотя некоторые «беспечатники» пытались сопротивляться органам правопорядка, но... безрезультатно.

Судя по новостям, что показывали тогда по телевидению, не только в России, но и во всем остальном мире все прошло гладко. Я знаю, что хотя Новосибирск большой город (население уже более двух миллионов), у нас мало неогуманоидов. За пять лет я случайно их видела на улице, не больше 10 раз. Правда, я могла их просто не заметить: если они в очках или в линзах, то почти неотличимы от людей. А диамонгов я вообще в живую ни разу не видела! Может, именно поэтому я чувствовала себя в относительной безопасности. И позволила произойти следующим событиям...

Итак, меня зовут Алесья. Мне 24 год, я работаю менеджером в туристической фирме. У начальства я на хорошем счету. Постоянного молодого человека нет (хотя я уже некоторое время встречаюсь с одним парнем, но ничего серьезного). И не надо меня жалеть! У нас и раньше не было особо пылких молодых людей, если не считать мужчин с ближнего востока. А сейчас и вообще сплошные сухари. А я уже с 17 лет приняла решение, что лучше быть одной, чем с кем-нибудь, кто мне не по душе! Черт, я опять отвлеклась!

Последующие события попытаюсь осветить как можно объективнее, не сильно заикливаясь на своих ощущениях и переживаниях. Я правда постараюсь!

Все началось в один прекрасный солнечный день...

Глава 2

Арест

Я взглянула в зеркало уже перед самым выходом. Черт! Надо спешить, иначе опоздаю. Впрочем, ни вынужденная спешка, ни возможное опоздание не могло испортить моего настроения. Не знаю даже отчего у меня сегодня такое прекрасное расположение духа. Добежав до остановки, я запрыгнула в ближайший автобус. Глядя в окно, я пыталась сдерживать улыбку. Да-да, представьте себе, улыбки тоже надо скрывать, так же как гнев и раздражение, чтобы не вызывать лишнего подозрения. Я мысленно одернула себя: незачем портить себе настроение такими мыслями.

Как же все-таки хорошо!!! Солнышко светит, тепло, я даже пиджак одевать не стала. Днем, наверняка, будет жарко. На обеде можно будет в парке позагорать...

Я вышла на своей остановке и прищурилась от яркого света. Может именно поэтому я не заметила внимательного взгляда глаз с фиолетовым отливом. Они проследили за мной до моего офиса, и их обладатель сделал себе мысленную заметку. Я ничего этого не заметила, ещё и потому что неогуманоид был в темных очках.

Рабочий день пролетел незаметно. Где-то за час до окончания шеф вызвал меня к себе. У него в кабинете находился представительный мужчина лет тридцати-тридцати пяти. При моем появлении он встал.

– Знакомьтесь, Михаил Юрьевич, мой давний знакомый. – с натянутой улыбкой начал шеф. Странно, почему он так нервничает, что даже я заметила это? – Он хочет отдохнуть где-нибудь за границей, но ещё не определился где именно. А это наш лучший менеджер по работе с клиентами, Павлова Алеся. – Мужчина протянул мне руку для пожатия, я неохотно протянула свою. Обычно знакомство обходится без этого ритуала, достаточно кивка, но если клиент хочет... В принципе, мне нечего волноваться, крем ещё действует, обычно его хватает на 9-11 часов.

– Приятно познакомиться, Михаил Юрьевич, – с вежливой улыбкой сказала я, высвобождая свою руку. Мужчина кивнул, его карие глаза пристально следили за мной. Не показывая своей настороженности (чего он так меня разглядывает), я максимально вежливо предложила. – Может, пройдем в мой кабинет, где мы сможем свободно обсудить предстоящую поездку. – Конечно, мой кабинет звучит очень преувеличенно, тем более его как такого нет, есть всего лишь небольшой отгороженный закуток, как и у остальных менеджеров. Но не могла же я прямо здесь начать предлагать различные варианты отдыха? Тем более, что по ценам сориентировать я сразу не смогу.

Мы прошли к моему рабочему месту, и я принялась за дело... Нет, я, конечно, привыкла к самым разнообразным клиентам, но... Полчаса я пыталась вытрясти из него, что именно он хочет, хотя бы приблизительно. Пляжный отдых или экскурсионный тур, или же комбинированный, про направления я вообще молчу, ориентировка по цене – ну я вообще в средствах не ограничен, но не хотелось бы заплатить втридорога за улыбки персонала (и это после десяти минут расспросов). Такое ощущение, что он проверяет меня на выдержку. Спокойствие, Алеся, только спокойствие! – внушала я себе, после пятидесятого «не знаю» – Это друг шефа, с ним надо быть особенно вежливой! Но после тридцатого «нууу, неплохой вариант, а что у вас ещё есть?», мысли приобрели не совсем мирный оттенок, приблизительно: убью шефа, вот только уйдет этот... (далее несколько нецензурных вариантов названия этого клиента) тип, и прибью его на месте! Это же надо было такую свинью мне подсунуть!!! Я уже представляла себе виды скорой казни, не переставая дежурно улыбаться Михаилу, когда он, посмотрев на часы, сказал.

– О! Я вас, наверное, задерживаю, – уже минут двадцать седьмого, а работаем мы с клиентами до шести, но радует, что он вообще это заметил. – Давайте, я к вам завтра лучше приду, и мы, наконец-то с вами, что-нибудь выберем. – Я улыбнулась и кивнула, пытаясь скрыть досаду. Михаил встал и, протянув мне руку, сказал. – Тогда до встречи! – Ну, что за странная привычка? Я протянула руку в ответ, с трудом заставив себя улыбнуться.

– До свидания! – сказала я, стараясь игнорировать его настырный взгляд в вырез блузки. Нет, не подумайте, вырез был очень скромным. Но от его взгляда мне стало противно. И я как бы невзначай взяла папку со стола и прижала к себе.

– А, может, поужинаем вместе? – с двусмысленной интонацией предложил он, подняв, наконец, свой взгляд. Честно говоря, я выпала в осадок. Уже лет пять никто так открыто не приставал ко мне, про клиентов я вообще молчу (деловой этикет все стараются поддерживать). Даже друзья шефа не позволяли себе ничего подобного (он мне уже не в первый раз сплавляет своих знакомых).

– Нет, – твердо сказала я, справившись с изумлением. Хм, пять лет – это наталкивает на размышление. Может его печать фальшивая? Не подумав, я ляпнула. – Покажите вашу Печать. – Да, потребовать показать печать может абсолютно каждый, правда, я еще ни разу этого не делала. Судя по удивленному выражению лица Михаила, он тоже не ожидал от меня услышать ничего подобного. Он не только поразился, его как будто что-то рассмешило. Прищурившись, он закатал рукав рубашки и продемонстрировал Печать. Бросив быстрый взгляд на свою Печать, я убедилась в их идентичности. Ага, если бы это ещё хоть о чем-то мне говорило! В свое время я усиленно (и при этом незаметно для окружающих) сравнивала свою Печать с другими и не заметила никаких отличий. Так что идентичность наших с Михаилом печатей ещё ни о чем не говорила!

– Вы удовлетворены? – с еле уловимой насмешкой спросил Михаил. Я, наконец, выпала из задумчивости и, улыбнувшись, кивнула. Михаил улыбнулся в ответ и уже с другой интонацией, более теплой спросил. – Так, может, мы все-таки поужинаем? – Я покачала головой. Мужчина уточнил. – Просто поужинаем.

– Я не думаю, что это хорошая идея... Вы – клиент фирмы и... – я пожала плечами. Михаил как будто хотел что-то сказать, но передумал. Ещё раз улыбнувшись, он направился к выходу.

– Тогда до встречи! – сказал он, не оборачиваясь, и скрылся за дверью. Я пожала плечами и начала собираться домой. Интересно, мне это показалось, или правда, что после того, как я попросила его продемонстрировать Печать, его отношение ко мне изменилось в лучшую сторону. Странно... А тут ещё шеф заглянул ко мне. Увидев меня, он как будто обрадовался.

– Михаил Юрьевич уже ушел?

– Угу, – буркнула я, выключая компьютер. – Вот только что свалил, так ничего и не выбрав.

– Да не переживай, – улыбнулся он, даже не поворчав на мой непочтительный тон. – Я и не думал, что он что-то выберет.

– Что, такой привереда? – с усмешкой спросила я. Шеф пожал плечами.

– Можешь завтра пораньше уйти. – на прощанье сказал он. Я удивленно моргнула: и почему он такой довольный? Плюнув на всё, я взяла сумку и устремилась к выходу. Свобода!!! Чтобы такое сегодня замутить? Может с Наташкой где-нибудь пересечься? Посидим в кафе или просто погуляем? Достав сотовый из сумки, я набрала телефон подруги.

На следующее утро я была уже не в таком радушном настроении. Точнее мое состояние можно охарактеризовать как никакое, а если быть ещё точнее встать-то я встала, но не проснулась. Даже после крепкого горячего кофе уже на работе сонливость так и не покинула мое брэнное тело. Правильно, нечего было вчера до трех часов ночи общаться с Наташкой у себя

на кухне (это уже после кафе и долгой прогулки). Сама виновата! А ведь сегодня должен ещё и этот Михаил прийти. Настроение окончательно испортилось, вот зачем мне только надо было про него вспоминать?! Может все-таки другую фирму себе подыщет? Ага, как же! Ближе к обеду он все-таки заявился, да и не один. А вместе с высоким темноволосым мужчиной, лет так под тридцать. Он был не так строго одет: просто рубашка и брюки, и в темных очках.

– Добрый день, Алеся! – с улыбкой сказал Михаил. – Знакомьтесь это мой друг, Владимир. – Тот уже протягивал руку для пожатия. Я с трудом сдерживалась, чтобы не поморщиться: ещё один любитель прикосновений! Я постаралась приветливо улыбнуться, подавая руку Владимиру. Соприкоснувшись с его ладонью, я поражённо замерла: его рука была необычно теплой! На пару градусов, но все равно ощутимо! Но этого просто не может быть. Глаза помимо своей воли устремились к его левому запястью. И хотя из-за манжета рубашки я не могла полностью увидеть его запястье, но хотя бы край Печати я должна была увидеть, но ничего подобного. Я вновь посмотрела ему в глаза, точнее на свое зеркальное отражение в его очках. Очки! Неогуманоид! – догадалась я, усилием воли подавляя панику.

– Это честь для меня, нессир Владимир! – я постаралась почувствовать себя польщенной, понимая, что он легко может прочесть меня. Но что все это значит? Кстати, нессир – это уважительное обращение к неогуманоидам. Владимир усмехнулся и снял очки. Он не утруждает себя ношением линз. И я сразу же почувствовала себя неловко под взглядом светло фиолетовых глаз без зрачков и радужки. Я перевела взгляд на компьютер, стараясь взять себя в руки и спрятать страх не только от него, но и от самой себя. – Вы хотели воспользоваться услугами нашей фирмы?

– Не совсем, – твердо сказал Владимир, я вопросительно посмотрела на него. Он вновь усмехнулся. – Неплохо... Вы даже смогли обмануть моего помощника, но не меня. – Я все ещё изображала непонимание, хотя и осознавала, что моя песенка уже спета. – Павлова Алеся Николаевна, вы арестованы за ношение ЛжеПечати! – Не знаю как мне удалось сохранить в этот момент полное спокойствие, но... я с легким недоумением спросила.

– Вы, должно быть шутите, нессир? – на этот раз я не стала отводить взгляд. Владимир впился взглядом в мои глаза, казалось, что он хочет вытащить из меня душу. Спустя несколько секунд он хмуρο бросил.

– Покажите Печать. – Я послушно протянула левую руку, ожидая что он просто посмотрит на неё. Зрительные проверки моя Печать проходила и не раз. Но неогуманоид накрыл ладонью мою Печать, и на несколько секунд закрыл глаза. Потом резко отбросил мою руку и, посмотрев недовольно на меня, сказал. – Фальшивка! – вот сейчас я уже дала волю своему страху. Внутри все будто оборвалось. Владимир удовлетворенно хмыкнул. – Следуйте за нами! – Я на автомате вышла из-за стола, по привычке прихватив сумку, и подошла к ним. К этому моменту сотрудники фирмы подтягивались к нам. Где-то на заднем плане маячил расстроенный шеф (да, сегодня я уйду намного раньше). Все это я замечала каким-то краем сознания, так же как и шепот окружающих с их осуждающими взглядами. Я же прибывала в ступоре, все ещё не веря, что все это случилось на самом деле. Владимир же приказал мне. – Вытяните вперед руки! – я опять же на автомате подчинилась. – Михаил!

– Может не стоит? – неуверенно возразил Миша. Нессир недовольно посмотрел на него, и Михаил со вздохом достал из внутреннего кармана наручники. Быстро заведя мои руки за спину он надел их.

– Зачем? – только и смогла выдавить я, посмотрев неогуманоиду в глаза.

– Чтобы ты быстрее смирилась с действительностью. – нахмурившись, бросил он. Понятно, решил унижить меня ещё сильнее. Я с вызовом посмотрела на него, выпрямилась и расправила плечи. Владимир хмыкнул и, обернувшись, пошел к выходу. Михаил сделал знак, чтобы я шла следом за Владимиром.

На улице неогуманоид подошел к аэромобилю. Кто бы сомневался, что он владеет самым продвинутым средством передвижения. Немногие могли себе позволить этот вид транспорта. Для них ещё только начали проектировать ограничители и обозначать воздушные трасы. Зачем? Чтобы не было аварий из-за любителей сократить маршрут. Внешне они были похожи на обычные автомобили. Ну что ж, хотя бы прокачусь на халяву, – криво усмехнулась я.

Меня усадили на заднее сидение. Сами же конвоиры уселись впереди, Михаил сел за руль. Да, внутри аэромобиль тоже был похож на обычный автомобиль. Мы взлетели вертикально вверх, немного выше окружающих зданий и полетели в центр города. Я уставилась в окно, пытаясь отвлечься от горестных раздумий о своей дальнейшей судьбе.

Я все ещё не хотела мириться со случившимся. Нет, я, конечно, знала, что это может произойти в любой момент. Скорее всего мое разоблачение было вопросом времени, но я все же надеялась...

– На что? – язвительно спросил Владимир. Я посмотрела на него, оказывается он уже обернулся и пристально смотрел на меня. Я вздернула подбородок и с вызовом бросила.

– Надеялась остаться человеком!!! А не этой серой бездушной массой, в которую вы превратили людей, – знаю, что нарывалась, но я просто не могла сдержаться. Владимир приподнял бровь, рассматривая меня как букашку.

– Но ты довольно долго и успешно притворялась этой «серой бездушной массой». В чем же разница? Неужели притворяться такой же как и все чем-то лучше, чем быть!

– Я чувствую, я живу, а не существую, – я перевела взгляд на улицу, сдерживая тяжкий вздох. – По крайней мере я жила на 5 лет дольше остальных. – не понимаю, зачем я пытаюсь ему что-то объяснить, он все равно ничего не поймет.

– Да, я, действительно, не понимаю почему вы, людишки, носящие ЛжеПечать, так цепляетесь за так называемые «чувства». – сказал Владимир с нескрываемой иронией. Я пожалала плечами, не желая ему что-либо объяснять. Вместо этого с сарказмом спросила.

– А наручники почему не сняли. Бойтесь, что попытаюсь сбежать? – Владимир, пожав плечами, отвернулся. Молчание знак согласия. Я с едким сарказмом продолжила. – Ага, выпрыгну на светофоре. – кажется, я все-таки разозлила нессира, он кинул на меня полный злобы взгляд, но все таки промолчал. Где же мое чувство самосохранения? Зачем я пытаюсь его разозлить? Зачем огрызаюсь? – озадачилась я. Ведь нужно быть тише воды, ниже травы, может, это смягчит наказание. Я тряхнула головой, отгоняя последние мысли. Может быть, я бы постаралась быть повежливее и помирнее, если бы был хоть малейший шанс избежать «запечатывания». А я слишком хорошо понимала, что этого не избежать. Поэтому, хоть душу напоследок отведу, перестану сдерживаться. Итак, слишком долго приходилось скрывать свои истинные чувства и эмоции.

Тем временем, мы начали спускаться, и вскоре припарковались возле центрального УВД. Владимир и Михаил лично проводили меня до самой камеры. И только там расстегнули наручники. Владимир открыл камеру и издевательски поклонился мне, как бы приглашая меня войти. Я молча зашла внутрь и посмотрела на неогуманоида. Уверена, он уловил мое желание узнать что будет дальше со мной, но не пожелал просветить меня. Или ждал, что я начну упрашивать его рассказать. Дверь камеры с грохотом закрылась. Я же сквозь прутья решетки продолжала следить за неогуманоидом. Проще всего было спросить вслух, ни Владимир, так Михаил ответил бы, но что-то заставляло меня упрямиться. Я перевела взгляд на Михаила и неожиданно для себя самой с сарказмом спросила.

– Михаил, а если бы я вчера с тобой «поужинала», вы бы оставили меня в покое? И никакого ареста бы не было? – Михаил поморщился и отвернулся. Вместо него ответил нессир.

– Нет, – твердо сказал он. – Тобой заинтересовался я. – Я с кривой улыбкой приподняла бровь.

– Так что, нужно было с тобой «поужинать»?

– И как ты только мог принять её за довольно милую и воспитанную девушку? – спросил Владимир у Михаила. Скривившись, он судя по всему процитировал Мишу. – Я уверен, она не преступница.

– Ты же сам засомневался в том, что её Печать ненастоящая. Ты даже применил тактильную экспертизу. А в отличие от меня ты умеешь читать мысли! – возразил Михаил. Надо же, он даже умеет огрызаться? Причем спорит с нессиром? Значит, он тоже какая-то шишка, ведь на самоубийцу не похож! Я удивленно приподняла брови и, не скрывая насмешки, хмыкнула. Владимир бросил на меня хмурый взгляд и сказал.

– С тобой мы пообщаемся позже. Счастливо оставаться! – и направился к выходу, Михаил последовал за ним. И о чем это они хотят со мной пообщаться? Я прислонилась к решетке, устало прикрыв глаза. Как же я все-таки ненавижу неизвестность! Успокаивает только одно, что вскоре мне все расскажут... Стоп! Что он имел в виду под словом «позже»?! Насколько позже?

Я начала мерить камеру шагами. Одиннадцать в длину, пять в ширину... Чего-чего, шагов!!! Теперь уже круги нарезаю (тридцать два, догадайтесь про что это я). Поразительно бодрое состояние, с учетом того, что час назад я готова была заснуть на работе. А сейчас вроде и кровать рядом (или правильнее сказать, нары), спи – не хочу! А ведь и правда не хочу!!! Вот до чего доводят нервы!!! Я остановилась, глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться, и... продолжила шествие. Все равно заняться больше нечем.

Вот интересно, почему тюрьмы внутри именно так выглядят? Прямо, как в старых фильмах. Как будто бы с прибытием пришельцев здесь вообще ничего не менялось. Почему я этому так удивляюсь? Дело в том, что во всех отраслях и учреждениях были введены новшества, упрощающие и улучшающие условия жизни или труда людей. Системы охраны, системы жизнеобеспечения, да и вообще внешний вид помещений и зданий изменились. Только здесь все те же решетки, крохотные камеры, жесткие неудобные кровати, про туалет вообще молчу (в предварительном заключении, не знаю, что там сейчас в колониях твориться). Хорошо что сейчас здесь только я одна, а в соседних камерах никого, а то не знаю, как бы я сходила по малой нужде, да и по большой тоже. Хоть тут и было что-то вроде шторки. Мерзость!!! А, может, так и задумано было диамантами: что бы преступники ощутили всю «прелесть» своего положения. Для них мы даже не люди, а животные, потому что решили пойти против их режима. Хотя... наверное, я опять сгущаю краски, здесь же содержаться все преступники, а не только Носящие ЛжеПечати.

Не знаю сколько времени прошло (может час, а может больше), когда я услышала скрип входной двери. Я остановилась, как вкопанная и посмотрела на приближающихся полицейских, не сразу сообразив, что они практически тащат кого-то на себе. Открыв дверь соседней камеры, они бросили мужчину в полубессознательном состоянии на кровать и вышли, не обратив на меня никакого внимания. Присмотревшись к другу по несчастью, я поняла что его кто-то жестоко избил, причем не в первый раз, судя по начинавшему желтеть синяку на скуле. Основные повреждения были, конечно, скрыты одеждой, но и увиденного мне вполне хватило.

Что-то мне сразу как-то резко расхотелось общаться с Владимиром... да и вообще с кем бы то ни было из полиции. Мне и так хорошо! И, в принципе, неизвестность меня уже не так пугала. Я согласна здесь и месяц прокуковать...

Глава 3

Преступления и наказания

Я все-таки присела на кровать (ноги-то не казенные, а дневную норму в 10000 шагов я уже выполнила, и даже перевыполнила). И уткнулась взглядом в потолок!! Ну и чего мне еще ждать? Неужели меня тоже будут избивать?! Несмотря на состояние соседа, я сильно сомневалась в этом. Зачем им это? Да и вообще, диамонги вовсю демонстрируют свою гуманность и человеколюбие. Ага, вон в соседней камере находится живой (точнее полуживой) образец их «гуманности». Я перевела взгляд на соседа. За что же его так? Мужчина зашевелился и застонал. Видимо приходит в себя. С трудом, но он все-таки смог сесть и оглядеться по сторонам.

– Как ты? – сочувственно спросила я, когда он посмотрел на меня. – Живой? – Незнакомец удивленно моргнул и попытался встать с койки. Явно переоценив свои силы, он сел обратно.

– Не уверен. – он пристально посмотрел на меня. Наверное, пытался понять что я за зверь такой? Выгляжу вполне прилично: бежевое платье и босоножки в тон (сумку изъяли на входе в УВД). И непонятно, что я здесь делаю. Я не осталась в долгу и тоже изучала его: кого-то он мне напоминал. Может по телевизору показывали, как особо опасного преступника?

– За что тебя так? – прервала я затянувшееся молчание. Надо же понять ожидает ли меня нечто подобное. Сосед криво усмехнулся и ответил кратко.

– Много знаю, ничего не рассказываю...

– Ааа, – протянула я облегченно. Значит, пытаются разговорить его. И мне, следовательно, подобное не грозит. – Но я ничего не знаю, поэтому можно успокоиться. – Мужчина озадаченно посмотрел на меня, наверное, пытался понять мою логику.

– Может и знаешь что-то, просто не подозреваешь об этом... А вообще на девушек у них другие формы воздействия. – он вновь попытался встать, на этот раз более успешно и прошел к раковине.

– Вот только не надо меня пугать. – выдохнула я, не на шутку встревоженная его словами. Что это за формы воздействия, которые применяются только к девушкам?

– Я тебя не пугаю, – он наклонился, тщательно умываясь, потом засунул голову под кран. Пытается привести себя в чувство, пришла к выводу я. Мужчина обернулся и посмотрел на меня. – А говорю, как есть. – Наверное, у меня был достаточно озадаченный вид, раз он решил уточнить. – Почему ты здесь оказалась? – Я пожалала плечами и, показав левое запястье (зачем?), сказала как можно более беспечным тоном.

– Фальшивка, – он подошел поближе, и я получше присмотрелась к нему. Нет в реальности я не встречала его, но тогда откуда (может лучше – почему?) он кажется мне таким знакомым. Довольно таки симпатичный мужчина, лет под тридцать, высокий, с темными волосами. Сейчас его лицо изуродовано кровоподтеками и царапинами, но... Ничего отталкивающего в его внешности я не нашла. Задумавшись, я не услышала его вопроса, он повторил.

– Таблетка, стирающая память? – я кивнула, удивленная его осведомленностью. Я ожидала его уверений в том, что тогда мне нечего беспокоиться. Но он промолчал и только сильнее нахмурился.

– Что такое? – встрепелась я.

– Значит, одна из последних... – выдавил он, отворачиваясь.

– Последних? – тупо переспросила я, все больше поражаясь осведомленности соседа. Кто он такой? Откуда он так много знает? И что за «последние»?

– Носящих ЛжеПечать и не проживающих при этом в Подполье. – раздраженно пробормотал он. Неожиданно мужчина обернулся и ещё более внимательно посмотрел на меня.

– Расскажи мне все, – попросила я. – Что за подполье? И почему я не там? – Мужчина прищурился и едко сказал.

– Ага, разбежался!.. Нессир меня совсем за идиота принимает, раз считает, что я так легко куплюсь? – я непонимающе смотрела на него, хлопая глазами: откуда столь внезапные перепады настроения. Всего минуту назад он был почти дружелюбен, а сейчас просто источает яд. Да и вообще причем здесь неогуманоид? В его глазах застыл лед, я приподняла бровь, всем видом демонстрируя свое непонимание. Пусть хоть пояснит. И он пояснил: точнее прорычал. – Хватит играть. Можешь передать нессиру, что ты спалилась, хотя представление вышло неплохое. Но для заключенной ты слишком спокойна! – Ещё секунд десять я соображала, складывая два плюс два. Он что меня за шпионку принял? Решил что я пытаюсь вытянуть из него сведения о Подполье? Вот это да!!!! Только я получила доступ к интересующей меня информации, и такой фортель судьба мне уготовила. А вы думаете, мне было неинтересно все эти 5 лет узнать хоть что-нибудь о Носящих ЛжеПечати, о противостоянии с диамонгами? Нет, я давно хотела выяснить, но... Все эти пять лет я понимала, что излишнее любопытство до добра не доведет. Не знаю, почему меня его подозрения так рассмешили, что я начала смеяться. Истерически... Так, что даже слезы выступили на глазах.

– Я – шпионка? – с трудом выдавила я, поднимая на него взгляд. Но как стоило мне только столкнуться с его ледяным взглядом, как я сразу же успокоилась. Я постаралась как можно небрежней пожать плечами (а что мне еще оставалось делать?). Если бы я начала настаивать, на том чтобы он мне хоть что-то рассказал, то он вряд ли бы на это согласился. – Думай, что хочешь. – Я отвернулась и, встав, подошла к раковине. Умывшись, я решила привести свои волосы в порядок (иначе безделье меня совсем доконает), стараясь не смотреть на соседа. Расчески не было, поэтому распутывала я их пальцами и разделила на три пряди. Волосы у меня были не слишком длинные (чуть ниже лопаток), поэтому надолго этого занятия не хватит. Я вновь присела на кровать (а может колосок заплести), продолжая неторопливо плести косу. Все это время я чувствовала на себе пронизывающий взгляд мужчины. Не выдержав, я повернулась и пристально посмотрела на него. – Что?

– Неужели это все? – с иронией спросил он. – И ты даже не попытаешься меня переубедить? – Я вновь пожалала плечами. И тут меня осенило: зачем бы нессиру подсылать к нему шпиона, и вообще зачем пытаться выбить из него правду? Ведь для неогуманоидов мы, люди, – открытая книга. Они же умеют читать мысли. Я так озадачилась этим вопросом, что вновь пропустила его слова мимо ушей и автоматически попросила повторить.

– Что, прости? – он криво усмехнулся.

– Если ты так легко смирилась с поражением, то зачем тебе здесь оставаться? – Я в ответ тоже усмехнулась и с едким сарказмом спросила.

– Да, действительно, зачем? Сама бы с удовольствием покинула это место... но, к пре-великому сожалению, не умею ходить сквозь стены. – он раздраженно выдохнул и отошел от решетки, возвращаясь к кровати.

– Значит, решила дальше изображать из себя несчастную узницу. – он присел и посмотрел на меня. – Знаешь актриса из тебя не ахти какая: не хватает страха в твоих глазах. Да и вообще, как я раньше говорил, ты слишком спокойна. – Я отвела взгляд: да что он понимает? Он жил в подполье (скорее всего, откуда он ещё может так много знать?), поэтому ему не понять, как трудно постоянно скрывать свои чувства! Трудно, сложно, но необходимо всегда держать лицо. Ни гнева, ни раздражения, ни страха, ничего подобно этому нельзя было показывать окружающим. Это настолько сильно въелось в мое сознание, что даже сейчас я автоматически скрываю свои чувства. И даже в мыслях стараюсь не подпускать к себе страх, хотя внутри все замерло от ужаса: все-таки это случилось!!! Я попалась! Но когда и почему нес-

сир заинтересовался мной? Желая отвлечься от тяжелых размышлений, я вновь посмотрела на соседа. Если честно, он разозлил меня (вру, задел за живое), поэтому я состроила на лице самую несчастную, но при этом просительную мину: глаза наполненные слезами, поджатые губы, бровки домиком (в общем изо всех сил стараюсь изобразить некую пародию на кота из мультфильма «Шрек»).

– Так лучше? – с сарказмом спросила я и раздраженно откинула заплетенную косу. Минут пять старательно не обращала на него никакого внимания, но потом все-таки не выдержала. Ему-то в молчанку не привыкать играть, а меня грызет любопытство. – Слушай, а зачем несиру подсылать к тебе шпионов или пытаться выбить из тебя информацию, ведь он и так все может прочитать в твоих мыслях?

– Как будто ты не знаешь! – ехидно ответил он, неотрывно следя за моей реакцией. Я закатила глаза и раздраженно выдохнула. Ладно, придумаю что-нибудь другое, чтобы занять себя (можно ещё один марафон навернуть по камере), всё равно с ним общаться невозможно. Главное, не думать о том, что ожидает меня впереди, иначе точно сойду с ума от неизвестности... А ведь мой сосед наверняка знает об этом. Раз я последняя из Носящих ЛжеПечать, значит, подполье должно знать, что стало с моими предшественниками. С теми, кто был пойман, наказан (как?) и запечатан (если мои догадки верны). Вздохнув, я решила все-таки попробовать его разговорить. И сказала максимально равнодушным тоном, пытаясь скрыть сарказм.

– Если, по-твоему, я и так это знаю, почему бы тебе тогда просто не ответить мне? – по моему скрыть сарказм не получилось. Я прикусила губу, ругаясь на себя, и бросила на соседа быстрый взгляд. Вроде, он не разозлился ещё больше.

– У меня стоит блок на мыслях! И неогуманоид не может проникнуть в мой мозг благодаря ему. – бросил он после минутного колебания. Я почувствовала, как мои брови полезли на лоб. Блок?! Значит, есть все-таки способ мысленно закрываться от неогуманоидов?!

– А как ты смог поставить этот блок? – не подумав, спросила я. И тут же встретила с холодным взглядом мужчины, который был лучше любого ответа. Я постаралась не съежиться от его взора и притворно равнодушно пожалала плечами. – Аааа, все понятно, неси́р об этом ничего не знает. Тогда не отвечай, – но как же все-таки любопытно! Я непроизвольно поморщилась и постаралась переключиться на что-то другое. Значит, он отвечает только на те вопросы, ответы на которые знает неси́р. А, следовательно, я могу спросить о судьбе Носящих ЛжеПечать, и даже рассчитывать на его ответ. И я спросила, не долго думая. – А что меня ожидает? – Тот лишь криво усмехнулся, но прежде чем он успел сказать очередную гадость, я уточнила. – Что происходит с пойманными преступниками, с Носящими ЛжеПечать?

– Тебе лучше это знать! – его глаза полыхнули ненавистью. Стараясь не обращать внимание на его рычание, я продолжила с вопросительной интонацией.

– Как я догадываюсь, их сначала как-то наказывают, а потом уже «запечатывают»? – я пыталась сохранить спокойствие, главное, не поддаваться раздражению. Мне нужно вытащить из него информацию, а не ругаться с ним. Спокойствие, только спокойствие.

– Надо же, какая ты догадливая?! – язвительно бросил он, не скрывая иронии. Почему это нельзя ругаться? Очень даже надо!!!

– КАК наказывают? – рявкнула я.

– Повторяю: тебе лучше это знать, – отдельно проговорил он. Я зарычала, нет, я просто взвыла от распирающей меня злости. В ответ я бросила ему все эпитеты и гиперболы, все что я думаю о нем, используя наш великий и могучий русский язык. Думаю, грузчики удавились бы от зависти, услышав меня. Даже мой оппонент против воли заслушался моими речами. Заметив его насмешливый взгляд (вот что веселого он видит во всем этом?), я кисло улыбнулась и насмешливо предложила.

– Если хочешь, могу повторить погромче! – надолго меня не хватило, и я резко бросила. – Только ответь на этот чертов вопрос!

– Мы не знаем, что вы с ними делаете! – он отвернулся и, сквозь стиснутые зубы, холодно продолжил. – Но когда вы их отпускаете... с уже настоящей Печатью Ветра... Они не хотят ни знать, ни слышать ничего о подполье, о сопротивлении... А услышав что-то о Носящих ЛжеПечать, чуть ли не первыми бегут звонить в полицию. Однажды один из наказанных преступников пошел все-таки на контакт... – Он задумался и продолжил уже нормальным тоном. – Точнее будет сказать, он просто решил ответить на несколько наших вопросов. Про наказание сказал только, что это было ужасно, жутко, отвратительно. И когда ему уже поставили настоящую Печать, он был рад, по-настоящему рад. Печать забрала его боль... – Я шумно выдохнула, отчего мой сосед выпал из своей задумчивости и со злостью во взгляде посмотрел на меня (может быть из-за того что сказал больше, чем хотел?). Но мне было уже все равно: его слова по-настоящему испугали меня. Что такого делают с людьми, что они с радостью принимают роль «бездушных серых масс»? Я обняла себя руками, пытаюсь унять произвольную дрожь, и заставила делать себя как можно более глубокие вдохи, чтобы успокоиться. Надо подумать о чем-то другом, не хочу бояться, не хочу!!! Я встала и вновь начала судорожно ходить по камере. Вспомнив о нессире Владимире, я снова разозлилась. Нет, я не доставлю ему удовольствия видеть меня, дрожащую от ужаса и страха. Я должна быть сильной: я сама выбрала свою судьбу, и я знала к чему это может рано или поздно привести. Нет, не знала и до сих пор не знаю этого! Какое же меня ждет наказание?

На какое-то время я забыла о соседе. Но он ни на секунду не выпускал меня из виду. Устав от его назойливого взгляда, я пристально посмотрела на него.

– Чего тебе? – буркнула я.

– Неужели ты больше ни о чем не будешь меня спрашивать? – насмешливо спросил он.

– А смысл? – я пожала плечами и отвернулась. – Я сама скоро узнаю о своей судьбе. Наверное. – Это интересовало меня в первую очередь. А остальное? Надоело вытаскивать из него информацию! Вот честно, просто надоело. Я вновь подошла к раковине и умылась, хорошо что я сегодня не красилась, а то была бы сейчас такой красоткой с размазанной-то косметикой. Я несколько раз повторила про себя, любимую фразу Скарлетт О'Хары из «Унесенные ветром»: не буду думать об этом сегодня, лучше подумаю об этом завтра. Пусть и не сразу, но мне все же удалось себя в этом убедить. Все-таки, хорошая вещь – самообман (как будто у меня есть время до завтра!). Успокоившись, я села на кровать и посмотрела на соседа. – Как тебя хоть зовут? – по его лицу я сразу поняла, что он опять хочет огрызнуться, и опередив его, насмешливо бросила. – Неужели нессир и этого не знает?

– Виктор, – хмуро произнес он. Я кивнула и отвернулась. Он не спросил, как меня зовут, а я просто не стала представляться. Надоело! Надоело пытаться с ним нормально поговорить. Хотя наши стычки и отвлекают меня (хмм, все-таки забавно добиваться ответы на свои вопросы, когда оппонент так сопротивляется), но устала от его подчеркнутой ненависти. Я отвернулась и, преодолев брезгливость, легла на кровать. Может, получится подремать? – с сомнением подумала я. Виктор то и дело поглядывал в мою сторону, но не прерывал затянувшегося молчания. Не делала этого и я. Спустя где-то полчаса дверь в наше отделение открылась, и мы услышали тяжелые шаги. Я сразу села и посмотрела на вошедшего: незнакомый мужчина в форме подошел к моей камере.

– Павлова Алесья? – спросил он. Нет, знаешь ли, Алла Пугачева? – я закусила губу, сдерживая этот ответ, и просто кивнула. – На выход.

– С вещами? – язвительно спросила я. Ну не сдержалась я: язык мой – враг мой. Полицейский хмуро посмотрел на меня и, наверное, поэтому с излишней грубостью дернул мои руки, заводя за спину и надевая наручники. Я подавила вскрик боли от его грубости и с ещё большим усилием сдержала тяжелый вздох, когда наручники на моих запястьях сомкнулись. Я снова заставила себя выпрямить спину, расправить плечи и гордо пошла на выход. Проходя мимо камеры Виктора, я обратила внимание на его удивленный взгляд, но не подала виду.

Меня отвели в комнату для допросов. Почему я так решила? Судите сами: длинный стол в центре, несколько стульев вокруг, голые серые стены, на одной из которых большое зеркало (одностороннее стекло). Вскоре, в комнату вошли нессир с Михаилом. Надо же какая честь, меня будут допрашивать такие важные шишки! Какой же облом их ожидает! Полицейский расстегнул наручники и вышел из комнаты. Я так и осталась стоять и молча ждала того что будет происходить дальше.

– Может, воды принести? – неуверенно предложил Михаил. Я не успела даже удивиться и утвердительно ответить на предложение (пить ужасно хотелось), как нессир разрушил все мои надежды на этот счет.

– Ты ещё ей чай-кофе предложи, – недовольно перебил его нессир.

– Ну раз ты разрешаешь?.. – с иронией сказал Михаил ему и, пожав плечами, обратился ко мне. – Что будешь: чай или кофе? – Я заметила как сморщился неогуманоид, но совершенно не была готова к подобному ответу.

– Заткнись! – рявкнул он на Михаила. Вздохнув, он продолжил более спокойно. – Думаю, тебе лучше выйти.

– Почему? – тот пожал плечами. – Слушай зачем быть излишне жестоким? Во-первых, она все равно ничего не знает о подполье, точнее не помнит! Во-вторых, ты все равно наказывать её сегодня не будешь...

– Хватит, – прорычал Владимир. – Вон отсюда! – Михаил не двинулся. – Выметайся, я сказал. – Тот направился к двери, и когда он был перед самым выходом, нессир с угрозой прошипел ему. – О твоём желании быть помягче с преступником, мы поговорим позже. – Я молча наблюдала за этой перепалкой, не совсем понимая причину заступничества Михаила. Едва за ним закрылась дверь, как Владимир отодвинул для меня стул и предложил (приказал?). – Садись. – Я послушно присела, все ещё обдумывая слова, сказанные Михаилом. Неужели я ему настолько понравилась, что он отважился пойти против нессира? Я поймала на себе задумчивый взгляд Владимира и поспешила сменить направление своих мыслей. Нессир усмехнулся и хотел было что-то сказать, но в этот момент у меня противно заурчало в животе. Надо же, а я и не замечала, что настолько голодна. Я попыталась вспомнить, когда последний раз ела. Ах, да, утром, две чашки крепкого кофе (одна дома, одна на работе). А сейчас уже около четырех часов дня. Нессир нахмурился и сказал. – Я распорядюсь, чтобы тебе принесли поесть в камеру, после того как мы закончим. – и после небольшой паузы добавил. – Правда, сомневаюсь, что ты сможешь есть... – Я посмотрела ему в глаза: это что уже угрозы пошли? Нессир вновь усмехнулся. – Нет, я даже ещё не думал тебе угрожать. – Он сел напротив меня и уставился своими неестественными глазами на меня. После непродолжительного молчания он заявил. – Как я вижу, ты, действительно, ничего не знаешь... Догадываюсь, тебе интересно узнать, что тебя ожидает. – Я отвела взгляд, краем сознания понимая, что это не поможет скрыть моего возмущения. Догадывается он, понимаете ли? Он прекрасно знает насколько мне не терпится об этом узнать! Он, прищурившись, хмыкнул. – Твои догадки были верны: тебя сначала накажут, а потом запечатают. – Он замолчал на миг и немного удивленно продолжил. – О, вижу, тебя уже немного проинформировали по этому вопросу. Интересно... наш Виктор разговорился... – Владимир вновь замолчал, наверное, ждал, что я что-нибудь скажу. Посмотрев на него, я заподозрила, что он что-то прикидывает в уме, что-то просчитывает... Нессир резко посмотрел на меня и очень мягко произнес. – Могу тебя утешить, к моменту «запечатывания», ты уже сама захочешь лишиться всех «человеческих» эмоций, а точнее, будешь согласна на все, лишь бы избавиться от боли. Возможно, ты даже будешь просить побыстрее поставить тебе настоящую Печать Ветра. – Я подсознательно понимала, что он говорит это специально, чтобы заставить меня бояться ещё сильнее. Я также осознавала, что ему сам процесс запугивания доставляет поистине садистское удовольствие. Но ничего не могла сделать со своим ужасом. Я

зажмурилась, стараясь отогнать страх. Досчитав до десяти и открыв глаза, я прошипела прямо в лицо неогуманоида.

– Не захочу и не попрошу, даже не надейся. – одновременно я обещала это не только ему, но и себе. Не захочу и не попрошу настоящую Печать! – повторила я про себя с вызовом смотря на Владимира. Он криво усмехнулся, но в его взгляде было что-то ещё (из-за необычности его глаз, невозможно было понять что именно).

– Не стоит обещать того, что не в силах будешь контролировать. – он сказал это совершенно нормальным тоном: без иронии, без сарказма, просто констатировал факт. Но я была не в силах удивиться этому. В этот момент я пыталась убедить себя в том, что в состоянии выдержать все, что мне уготовано. Я смогу, я справлюсь, я сильная! Владимир криво усмехнулся в ответ на мои мысли. Его явно забавляет мой вызов. Конечно, что я могу ему противопоставить, я слабая, ничтожная человечешка, а строю тут из себя Титана. Но я все равно вздернула подбородок и посмотрела ему прямо в глаза. Владимир прищурился и тихо сказал. – Хочешь узнать, как мы наказываем Носящих ЛжеПечать? – Нет, не хочу! – в панике подумала я, заметив его самодовольную усмешку. – Хочешь! Ты же ненавидишь неизвестность!.. У каждого преступника свое наказание и его придумываем именно мы, неогуманоиды! Точнее, не придумываем, а читаем в ваших душах. Знаешь, что мы там ищем? – Я не могла отвести взгляда, хотя и понимала, что именно сейчас он выскивает мое наказание в моей душе. – Ваш самый сильный, самый жуткий страх. То чего вы боитесь больше всего на свете. Уже догадываешься, что мы с вами делаем? Правильно, осуществляем в действительности ваш самый ужасающий кошмар!

Глава 4

Чего боюсь я?

Я сразу озадачилась этим вопросом. Если не считать «опечатывания»... Хотя, нет, этого я не боюсь, а просто не хочу стать «недочеловеком». Чего же я боюсь больше всего на свете? Я старалась не смотреть на довольного Владимира: он-то уже знает ответ на этот вопрос. Какой самый страшный кошмар мне снился? Неужели, с насекомыми? Я передернулась от отвращения, вспомнив свой сон. Я, действительно, ненавидела насекомых. Трудно передать словами, что я испытываю, увидев какого-нибудь жука у себя в постели. А если я находила какую-нибудь живность у себя в волосах (после лесных прогулок), то начинала визжать и бегать по кругу, прося чтобы кто-нибудь это снял.

И что все это означает? Меня посадят в комнату полную всяких жуков, пауков, гусениц, и других разнообразных насекомых. Я вновь передернулась, представив эту жуткую картину.

– Забавно, но нет, – с легкой иронией сказал Владимир. – Страх перед насекомыми – это просто фобия! Конечно, иногда мы используем и фобии для наказания, если это, действительно, самый сильный страх человека. Но у тебя есть кое-что другое. – он ухмыльнулся и уточнил. – И даже не одно. Есть две вещи, которых ты боишься одинаково сильно... – И замолчал. Испытывает мои нервы на прочность? Или ещё один момент запугивания? Владимир посмотрел на меня и ответил на мой мысленный вопрос. – Не совсем. Я просто обдумываю, как тебя лучше наказать. Какой из твоих страхов реализовать? Чего ты все-таки больше боишься? – Может он наконец-то уже скажет из чего выбирает? – с раздражением подумала я. Владимир, усмехнувшись, встал и подошел ко мне. – А что? Это идея... посмотреть на твою реакцию... – Он дотронулся до моего подбородка, заставляя смотреть ему в глаза. – Первое: ты боишься насилия. – Тоже мне, удивил! Скажите мне, ну кто не боится боли, кто не боится быть избитым?! Ну... может, если только мазохисты. Владимир хмыкнул. – Уточняю, раз не поняла. Ты боишься изнасилования. – Мой мозг несколько секунд отказывался понимать услышанное. Неужели он... они...?! Я отшатнулась от неогуманоида, как от прокаженного. Нет!!! Они не станут! Только не так!.. Они же не могут?! Мои мысли разбегались, как крысы с тонущего корабля. – Почему же мы не можем?! – иронично спросил Владимир, окидывая мою фигуру оценивающим взглядом. – Думаю, желающих наказать тебя таким образом будет предостаточно! – Мой мозг отметил всего лишь одно слово: ЖЕЛАЮЩИХ?! Неужели все желающие смогут поучаствовать? Я с трудом подавила стон отчаяния, смотря широко распахнутыми от ужаса глазами на нессира. Хотела перевести взгляд, но не смогла. Я сидела как токком парализованная, не в силах даже пошевелиться. Владимир же продолжил насмешливо. – Забавно, в 24 года и девственница?! Ждала своего принца? Первый раз только по любви? – Он издевался надо мной, но я даже не могла смутиться. И возмутиться тоже не могла. Сейчас мне хотелось только одного: забиться в самый дальний уголок Вселенной, где меня никто не смог бы найти. Зачем только мне нужна была эта ЛжеПечать?! Стоп!!!! – одернула я себя. – Он ещё только угрожает тебе, а ты уже начинаешь сожалеть об этом... Нет, я не жалею, и никогда не раскаюсь в своем выборе. На лице нессира расцвела самодовольная улыбка: неужели он успел уловить мою неуверенность? Я смогла, наконец, отвести взгляд. Не хотела видеть его торжество.

– А второе? – с трудом прохрипела я, не уверенная, что он сообразит о чем я. Но нессир понял и ответил. Лучше бы уж промолчал.

– Ты боишься того, что твоя семья может пострадать из-за тебя. Что кто-то из твоих родных поплатится за твое преступление, за твой выбор, за твою ЛжеПечать. – он сказал это ровно, без эмоций, просто считывая информацию из моего сознания (или подсознания). Я

думала хуже, чем всего какую-то минуту назад чувствовать себя не смогу. Оказалось, могу и еще как! Глаза сами собой закрылись, еле сдерживая слезы. Нет, никто не должен пострадать из-за меня! Не должен!!!! Они не могут! Полиция не может наказать моих родных. Не может!!! Насмешливый голос нессира вернул меня в реальность. – Мне кажется, ты повторяешься! – Я посмотрела на него.

– Вы не можете наказывать других за мое преступление!!! – с отчаянием выкрикнула я. – Они же ни в чем не виноваты!!! Они ни о чем не знали! Вы же... – я не могла подобрать подходящих слов. Вместо этого начала рассуждать логически (нессир ведь это услышит). Диамонги пропагандировали гуманность и человеколюбие. Как они могут наказывать ни в чем не повинных людей?! Если даже отбросить сантименты, то это может испортить им репутацию. Нессир покачал головой.

– Можем! Мы можем! – и эта твердость добила меня окончательно. – Тем более, не думаю, что они ни в чем не виноваты. Наверняка, они замечали за тобой некоторые странности. Твои эмоции, твои слова, твой крем для понижения температуры тела... Все это может быть незаметно для знакомых, друзей, но не для родных. Ты жила с ними бок о бок, и я очень сомневаюсь в том, что они ни разу не заподозрили тебя. Так, что они скорее всего, виновны! Виновны в покровительстве преступницы. – Я сжалась на кресле, осознавая, что он прав. Дома я позволяла себе (не всегда, конечно) выплескивать эмоции наружу, как радость, так и злость. А крем? Я видела его несколько раз в руках матери, и в панике отбирала. А объятия, поцелуи и т.д., совершенно забыв предварительно перед этим обмазаться кремом? Я ведь частенько ловила на себе странные взгляды родителей и брата. А невестка, так, вообще в открытую говорила, что я люблю их сына, Сережку, больше, чем она сама. Я вспомнила о неогуманоиде и сразу же попыталась подумать о чем-то другом. Но было уже поздно. – Значит, виновны. – Я зажмурилась, сдерживая слезы. Нет, Владимир ни за что их не увидит. Я не заплачу и не буду просить не трогать мою семью. Иначе он назло мне так и сделает. Я постаралась думать о чем-то другом (хотя бы о серых стенах), чтобы он не разобрал мои мысли. Потому что для себя я уже решила, чего я боюсь больше. Все, что угодно, только бы родные не пострадали. Я не смогу себя простить, если с кем-нибудь из родных произойдет несчастье по моей вине. Владимир хмыкнул, и я поняла, что мысли о серых стенах не помогли. – А как же мечты о большой и чистой любви? Да после того, что с тобой сотворят наши стражи порядка ты смотреть на мужчин без отвращения не сможешь! – он не угрожал, а просто констатировал факт. Спустя минуту он уточнил. – Даже после «запечатывания».

– Я знаю, – тихо сказала я, прикрывая глаза. Да, знаю, но ЛжеПечать – это мой выбор, и только я должна из-за него страдать.

– О! – насмешливо фыркнул Владимир. – Какое самопожертвование! – Он подошел ко мне и дернул со стула. Его руки рванули ворот платья. Я вскрикнула от испуга и попыталась оттолкнуть его руки, разрывающие платье до самого конца. Неужели сейчас?.. Но Михаил говорил, что сегодня он не будет наказывать... НЕТ! Не надо! Мысли пронеслись в голове бешеным хороводом. Я пыталась сопротивляться, уже осознавая всю бесполезность этого. Нессир прижал меня к столу, не обращая внимания на мои попытки отодвинуть его. Обхватив ладонью лицо, он заставил меня посмотреть ему в глаза.

Что вы хотите увидеть в моих глазах, нессир? Слезы? Так их не будет. Не будет и мольбы о пощаде. Я ожидала, что он позовет кого-нибудь из полицейских, чтобы тот позабавился со мной... Но он придвинулся ещё ближе, его руки легли на мои ягодицы и сжали, прижимая к своему естеству. Почувствовав его возбуждение, я замерла в оцепенении. Нессир решил сам поразвлечься? Я сама не поняла, что меня в этот момент так удивило. Все-таки он мужчина (пусть и человек всего наполовину), а не монах. Я все ещё пыталась сопротивляться, не понимая зачем. Владимир сорвал мой бюстгальтер. Закусив губу, я заставила себя прекратить бессмысленную борьбу (неогуманоид намного сильнее меня, и, кажется, вообще не замечает моих

слабых попыток освободиться). Одной рукой он гладил мою грудь, другой уже расстегивал свой пояс. Я прикрыла глаза, пытаюсь абстрагироваться от происходящего. Это просто мое тело! Только тело! – повторяла я как мантру. – Не позволю ему сломать меня! Не должна позволить! Даже если после Владимир позовет других сослуживцев. Это всего лишь тело! В этот раз самообман не помогал, и когда он оттолкнул меня на стол, я с трудом подавила вскрик протеста. Его рука уже потянулась к трусикам, когда я почувствовала его обжигающие поцелуи на своей шее... на плече... на груди... Стоп! Что это? Зачем он это делает?

Владимир тут же резко отстранился от меня и поспешно отступил на пару шагов. Я непонимающе посмотрела на него, пытаюсь хоть как то привести в порядок свою одежду. Почему он остановился? Ведь он хочет меня. Зачем ему сдерживать себя? Он прикрыл глаза ладонью, а когда убрал руку, на лице не осталось и следа страсти. Равнодушие сквозило и в голосе, когда он процитировал мои недавние мысли.

– Это просто мое тело! Только тело. – он криво усмехнулся и пояснил. – Твоя психологическая самозащита... Неплохо. – и после паузы. – Я решил ещё подумать, какое наказание лучше выбрать! – Я сжалась под его пронизывающим взглядом. Значит, мои родные все ещё в опасности. Пока я пребывала в прострации, нессир, видимо, сделал какой-то знак полицейским, так как вскоре я услышала, как открывается дверь. Я быстро распустила волосы и обхватила себя руками, пытаюсь хоть как-то прикрыть обнаженные участки тела. Владимир, даже не посмотрев на дверь, приказал только что вошедшему. – Отведите её в камеру. – В таком виде? В разорванном платье и бюстгальтере? По длинным коридорам, мимо сотрудников полиции? Нессир хмыкнул, и я поняла это, как да. Возможно он даже специально для этого разорвал одежду на мне. Я с ужасом посмотрела на вошедшего. Михаил сделал пару шагов ко мне. Нессир, наконец, обратил на него свое внимание и с легким недоумением пробормотал. – Михаил? Я думал, ты занимаешься своими делами. – Тот пожал плечами и сделал мне знак следовать за ним. Но не успела я сделать и пару шагов, как нессир резко приказал. – Наручники, Михаил.

Я вздрогнула, мой провожатый поморщился, но достал наручники. Я заставила себя разжать судорожно сцепленные пальцы и протянула руки. Заметив, что пальцы дрожат, я сжала их в кулаки. Михаил только успел застегнуть одну из оков, когда прогремел голос Владимира.

– За спиной! – раздельно по слогам произнес нессир. Я подняла на него взгляд. Сволочь! Делаете все, чтобы я не могла прикрыться даже руками? Нессир, вы решили продемонстрировать преступницу во всей красе?! Чтобы было побольше желающих наказать...? Я сглотнула комок в горле. Тем временем Михаил аккуратно завел мне руки за спину и застегнул второй наручник. Я же тем временем продолжала внутренний монолог, как будто бы разговаривая с нессиром (ведь он же слышит мои мысли). Хотите сломать меня? Да? А вот не получится! Не позволю! Сжав зубы я заставила себя выпрямить спину и расправить плечи. С ещё большим трудом я смогла поднять лицо и уже с вызовом посмотреть на нессира. Усмешка застыла на его губах, он подошел ко мне и откинул мои волосы за спину. Впившись взглядом в мои глаза, Владимир пообещал. – Ты захочешь себе настоящую Печать Ветра, – Я хотела бы возразить, что никогда не захочу её, но не могла. Уже не могла! – Быть может, ты сможешь сдержаться и не попросить, но... я уловлю твое желание. – Я ещё сильнее сжала зубы и подумала, как можно уверенней: НЕ ЗАХОЧУ! Нессир прищурился, и в этот момент я поняла, что он сделает все от него зависящее, чтобы сломить меня. Мне стоило огромных трудов не отступить ни на шаг и не опустить взгляд. Я буду бороться! С собой! Со своими страхами! Со своей болью! Но прежде всего с вами!

Если бы... если бы я ещё только знала, что моя победа возможна! Но в конце концов меня ожидает «запечатывание»! Ради чего тогда мучиться? – озадачилась я вопросом. – Чтобы не предавать себя, свой выбор, свою человечность? Или чтобы доказать нессиру, что люди, даже самые слабые, могут противостоять ему?

– Пойдем, – позвал меня Михаил, отвлекая от грустных мыслей, и направился к двери. Я пошла следом. Я даже успела удивиться тому, как близко Михаил шел со мной (как будто пытался прикрыть меня), когда нас окликнул Владимир.

– Подожди, Михаил, – мы обернулись. Неогуманоид сказал что-то двум полицейским, и они поспешили к нам. – Вернись, нам надо кое-что обсудить. Павлову проводят Илья с Никитой. – Он нехорошо так улыбнулся мне и пошел в противоположном направлении. Михаил вскоре догнал его. А что же я? Я послушно шла впереди полицейским. Больше никто не пытался прикрыть меня от жадных взглядов мужчин, которые как будто узнав про новую забаву, высыпали в коридоры. Я буквально заледенела, продолжая все также идти гордо и прямо. Я не опускала взгляд, даже для того чтобы посмотреть насколько обнажена. Мой взор был устремлен вперед, в то время как мысли унеслись далеко назад. Я перенеслась в прошлое, в далекое счастливое детство. Я пыталась отвлечься от происходящего здесь и сейчас, но все же изредка до моего мозга доходили разговоры окружающих.

– Да, ничего, цыпочка... как думаете, кто?... неужели эта тоже из Подполья?... да, я бы сам не отказался поучаствовать?.. ЛжеПечать?.. Подполье?

Оказавшись, наконец, в отделении с камерами, я немного расслабилась. Кто-то из полицейских взял меня за плечо и завел в камеру. Я все ещё пребывала в задумчивости, не желая обращать внимания на мужчин и их взгляды. И только когда расстегнули наручники я обратила внимание, где нахожусь. Встретившись взглядом с Виктором, я от удивления выпалила первое, что пришло в голову.

– Что я здесь делаю? – за спиной я услышала смешки. Обернувшись, я с презрением посмотрела на полицейских и спросила с сарказмом. – Уважаемые, вы случайно камерой не ошиблись? – Один из них, кажется, Илья злобно посмотрел на меня и ехидно сказал.

– Ни в коем случае, уважаемая! Нессир приказал доставить вас именно сюда. А также пожелать Виктору приятных развлечений! – и уже посмотрев на Виктора, сказал. – Можешь делать с ней все, что угодно! – Я все ещё обдумывала его слова, пока полицейские шли к двери. Как только дверь за ними захлопнулась, я начала судорожно натягивать порванное платье, пытаясь прикрыть наготу. Оторвав от подола полоску я повязала его как пояс под грудью. Обхватив себя руками, я отошла к решетке. Все это время я старалась не смотреть на соседа по камере. Интересно, насколько сильно Виктор ненавидит меня? Может его презрение, мешает ему поразвлечься со мной?

– Вот только попробуй хотя бы дотронуться до меня, – с угрозой начала я, заметив его движение в мою сторону. Посмотрев на него с вызовом, я бросила. – И я не посмотрю, что ты и так больной на голову... Так отмечу, что мало не покажется. – Ну, да, знаю я, что он больше и сильнее меня, но он же избитый и изможденный. Так что шансы у меня есть, хотя и небольшие (например, если бить по синякам). Виктор нахмурился ещё сильнее, но поднял руки в знак капитуляции и вернулся на кровать. Я отошла в противоположный угол камеры и прислонилась к решетке. Ноги уже не держали меня, и я сползла вниз. Обхватив колени руками, я свернулась в позу зародыша, пытаясь хоть немного успокоиться. Меня все ещё трясло от пережитого.

Так и что же мне теперь делать? И вообще почему нессир отправил меня сюда, в камеру к Виктору? С недвусмысленным предложением: ему можно делать со мной все, что угодно? Нессир определился все-таки с наказанием? Но он же сказал, что ещё подумает! Что тогда?.. То, что он не сказал о моей ближайшей судьбе (в смысле сколько времени мне ожидать его решения), более-менее понятно! Хочет чтобы я мучилась неизвестностью, не только по поводу наказания, но ещё и сроков их исполнения.

Способ наказания? Я прикусила губу, чувствуя, что слезы вновь наворачиваются на глаза. Я прикрыла глаза, стараясь сдержаться. Надо будет постараться убедить его, что насилия я боюсь больше всего... А потом главное, не сойти с ума!

Хотя, сумасшествие лучше, чем добровольное поражение. Ведь если я захочу настоящую Печать, это будет полная и безоговорочная победа нессира. Я должна быть сильной! Просто обязана! Нельзя сломаться! Не знаю, сколько времени я так просидела в уголке, когда услышала скрип открывающейся двери. Я резко поднялась и отошла в центр камеры. После чего заставила себя расцепить руки, успокаивая себя тем, что сейчас почти ничего не видно.

– Ну как, развлекаетесь? – насмешливо спросил все тот же Илья. В руках он нес поднос с едой. Его напарник открыл дверь и тот, зайдя внутрь, поставил его на раковину (других горизонтальных поверхностей, помимо пола и кровати здесь не было). – Нессир приказал принести вам, уважаемая, ужин. И пожелать вам приятного аппетита! – Я кивнула, пораженная поступком

Владимира (сдерживает обещание или просто издевается?). Ведь нессир знает, насколько оказался прав, заявив, что я не захочу есть. Я с трудом скрывала еле сдерживаемые позывы к тошноте, пока полицейские не вышли из нашего отделения. Дверь захлопнулась, и я кинулась было к унитазу, но остановилась.

– Здесь есть камеры? – спросила я у Виктора, посмотрев, наконец, на него. Тот покачал головой. Хорошо, значит, никто не видел как я тряусь в углу и никто не увидит моих следующих действий. Не знаю, чем меня вырвало спустя несколько секунд, еды в моем желудке не было уже больше 8 часов. Оклемавшись, я пошла к раковине. Поднос я вынула и поставила на пол. Вымывшись и прополоскав как следует рот, я задумалась над тем, что же делать с едой. Не хотелось оставлять её нетронутой (нессиру наверняка расскажут об этом). Посмотрев на соседа, я поймала его голодный взгляд, брошенный на поднос. Интересно его вообще здесь кормят? Подняв его, я отнесла и поставила на кровать. – Ешь! – предложила я. Заметив его недобрый взгляд, я уточнила, отмахиваясь, как от назойливой мухи. – Это не благотворительность! Я просто не смогу сейчас ничего съесть. – Виктор задумчиво посмотрел на меня, потом на поднос и вроде как утвердительно кивнул. – Сомневаюсь, что это отравлено! – отходя к решетке, добавила я. Не желая не слышать, не видеть ничего, я подошла к решетке и прислонилась головой к прутьям.

Что-то не давало мне покоя! Помимо всего этого кошмара и того, что ещё только предстоит. Какая-то несостыковка... Точно! Как полицейские могут причинять боль другим людям? Ведь у них же наверняка настоящие Печати! А как говорилось тогда во всех СМИ, после «опечатывания» никто не захочет причинять боль, сеять страх и т.д. А эти... не просто хотят, они жаждут этого, и ещё они любят поиздеваться. Я взглянула на соседа, который с завидным аппетитом поглощал содержимое подноса. Вот, он, наверняка, знает ответы на все вопросы, но как заставить его говорить? Я сделала шаг вперед и замерла. А если нессир отправил меня сюда именно за этим, в надежде, что я смогу разговорить его? Я тряхнула головой и, поймав вопросительный взгляд Виктора, сказала.

– Могу я попросить тебя? – я не закончила, ожидая от него какой-то реакции. Он неуверенно кивнул. Я ещё сильнее обхватила себя руками, заметив его скользящий вниз по моей фигуре взгляд. – Ты можешь ответить на несколько вопросов? – и поспешно продолжила. – Если я спрошу о чем-то, чего не знает нессир, тогда не отвечай... Можешь, там, бросить на меня ненавидящий взгляд, можешь ехидно заметить, что я сама это знаю, а можешь просто промолчать. – Он кивнул и, неожиданно встав с кровати, подошел ко мне. Я поспешно отступила, испугавшись его стремительности. А он не так слаб, как я думала. Виктор заметил мою реакцию и покачал головой.

– Я не трону тебя!

– Потому что противно? – с надеждой спросила я. Вот, если я ему противна, тогда, действительно, ему можно будет поверить. В его глазах промелькнуло удивление, смешанное с чем-то ещё.

– Никогда не обижу женщину, – твердо и раздельно по словам ответил Виктор, снимая футболку и протягивая её мне. Я взяла её и неуверенно, очень слабо улыбнулась.

– Спасибо! – натянув её поверх разорванного платья, я вмиг почувствовала себя намного уверенней и... спокойней, что ли?

– Садись на кровать и перекуси хоть немного. Если хочешь я постою здесь, пока ты будешь есть. – Я удивилась, но согласно кивнула. Неужели его мнение обо мне изменилось? Как будто услышав мои мысли, он сказал. – Я уже не знаю, кто ты. Я отвечу только на те вопросы, ответ на которые знает нессир. – Я кивнула и, шагнув к кровати, присела на самый краешек. Есть все ещё не хотелось, но внезапно накотившая слабость заставила меня протянуть руку к бутерброду.

– Не смей говорить, больше чем известно Владимиру, – мой тон был почти приказным. Виктор удивился моим словам и я пояснила. – Нессир не может прочитать тебя, но легко видит мои воспоминания! – Я пожала плечами. – А я потом расскажу, как наказывают носящих ЛжеПечать. Может, это поможет наладить контакт с ними, хотя... не знаю. Если ты, конечно, сможешь выбраться отсюда или передать как-нибудь вести своим союзникам. – Виктор невозмутимо кивнул, хотя во взгляде и промелькнула заинтересованность. Я прожевала бутерброд, собираясь с мыслями. Про подполье спрашивать нельзя, можно узнавать только общие сведения. И я спросила то, что недавно так озадачило меня. – Почему эти полицейские могут причинять боль другим людям? – Виктор несколько мгновений озадаченно смотрел на меня, так что мне пришлось уточнить. – У них же Печати настоящие!

– Что ты знаешь о Печати Ветра? – после продолжительной паузы спросил он.

Глава 5

Новая информация и... неужели есть надежда на спасение?

– Тебе пересказать всю ту чушь, что несли в свое время все СМИ мира? – уточнила я ехидно. Виктор преувеличено тяжело застонал и, вздохнув, тихо сказал.

– Радует, что ты хотя бы понимаешь, что это полнейшая чушь... – он помолчал, видимо, собираясь с мыслями. – Печать – это как сильное успокоительное. Ты принимала хоть раз успокоительное? – я покачала головой. Никогда не испытывала нужды, хотя сейчас пожалуй не отказалась бы. – Нет. Как же тогда объяснить. Хотя... ты же понимаешь принцип их действия? Оно успокаивает нервы, прекращает истерики, как следствие полное равнодушие к окружающему миру. А также есть побочные действия такие как сонливость, заторможенность реакций и т.д. Так вот Печать – это постоянно действующее успокоительное, без каких либо побочных действий. Но не только... Диамонги понимали, что одним успокоительным для исправления человека не обойтись. Поэтому добавили в Печать кое-что ещё, часть себя, своей энергии, своей силы. Ты знаешь, что инопланетяне не только телепаты, но и эмпаты? – я покачала головой. – Они могут улавливать и передавать различные эмоции. И именно эмпатию заложили в Печати. Когда над человеком совершается насилие, или встает угроза смерти, то никакие успокоительные не могут затормозить панику, ужас, боль, гнев. И вот тогда и проявляется эмпатия. Благодаря Печати эти чувства передаются не только жертве, но и убийце, насильнику, а также и всем тем, кто находится поблизости. Причем сам нападающий испытывает те же эмоции, что и жертва... – Я молча слушала, пытаюсь осознать сказанное. Но из всего сказанного тогда получается, что диамонги не исправили человеческую сущность, они просто придумали способ моментального наказания. Эти не слишком приятные эмоции заставляли останавливаться преступников, а случайных свидетелей бросаться на помощь. Виктор тем временем продолжил. – Как ты понимаешь в случае с Носящими ЛжеПечать, эмпатия бессильна, как будто конец провода по которому передаются эмоции обрублен. С одной стороны хорошо, иначе любой человек может почувствовать слишком яркие эмоции людей с ЛжеПечатями. Но с другой стороны... делает их тем самым совершенно беззащитными перед проявлениями агрессии. В случае же с этими полицейскими... можно сказать, что их специально подбирали со всей полиции. Искали самых... жестоких и одновременно... преданных новому режиму... – Виктор невесело улыбнулся. – Кроме того, под предлогом проверки их Печатей, им в клинике немного ослабили действие «успокоительного». Ведь в поимке членов Подполья, а именно этим и только этим занимается Центральное УВД, мешает апатия и равнодушие сотрудников. – Виктор замолчал. Я все ещё молчала, пытаюсь усвоить информацию, когда он продолжил с кривой усмешкой. – Так что именно эти полицейские получают удовольствие, издеваясь над Носящими ЛжеПечать. – Я посмотрела на него, по-новому оценивая его избитое и изможденное состояние.

– А какие у них методы воздействия на девушек? – спросила я, желая подтвердить свою догадку. Слишком часто я слышала слова Подполье, пока шла сюда. Виктор поморщился, но все же ответил.

– Изнасилование, причем в особо извращенной форме. Прекрасно понимают гады, что этим они калечат не только тело, но и душу. – Он не заметил, как я побледнела, задумавшись о чем-то. Все ещё не выходя из состояния задумчивости, он произнес. – Один раз нам удалось вытащить одну нашу знакомую из тюрьмы... Больше в наши вылазки девушек мы не берем. – Я постаралась подумать о чем-то другом.

– Подожди, ты говоришь, что действие их Печатей ослабили? – неожиданно пришло в голову мне. – То есть это возвратный процесс?.. То есть их можно потом снять? – Виктор внимательно посмотрел на меня и кивнул.

– Мы внимательно изучаем людей, и если они действительно хотят освободиться от этого эмоционального кокона... Предлагаем им к нам присоединиться.

– А наказанные за ношение ЛжеПечати, могут после запечатывания здесь, снять ее позже у вас?

– Теоретически, да. Но... как я говорил, после ареста и запечатывания, никто не хочет с нами общаться. И по словам того парня, вряд ли бы стали рассматривать этот вариант. – Я задумалась всего на минуту, просчитывая свою дальнейшую участь.

– Если сможешь выбраться отсюда, найди меня и предложи снять её. Надеюсь, к тому моменту желание отплатить нессире будет ещё достаточно сильным. – Я не смотрела на него. – Если понадобится – настаивай. Сейчас я все ещё хочу остаться полноценным человеком, но не знаю, что будет со мною дальше. – Я тяжело вздохнула, замолчала и посмотрела на Виктора. В его глазах все ещё было сомнение, но он все же кивнул, соглашаясь исполнить мою просьбу. Я посмотрела на поднос, понимая, что больше не смогу съесть ни кусочка. И предложила Виктору. – Доедай... Я не хочу. – Он больше не стал строить из себя оскорбленное достоинство и, присев на кровать доел оставшееся. В камере повисло молчание. Конечно, у меня была ещё куча вопросов, но голова и так раскалывалась от новых сведений.

– Так! Как все-таки наказывают Носящих ЛжеПечать? – спросил Виктор после продолжительной паузы. Вздохнув, я постаралась отогнать воспоминания прочь и ровным тоном сказала.

– Неогуманоиды ищут самый жуткий страх жертвы, то есть преступника. А потом реализовывают его в действительности. – Я отвела взгляд. После минуты напряженного молчания Виктор спросил.

– И какой же твой самый сильный страх? – Я удивленно посмотрела на него: неужели он мне поверил? Поморщившись, он уточнил. – Ну, вы с нессиром должны же были придумать легенду. – Я раздраженно пожала плечами, но все же честно ответила.

– Нессира позабавило одно обстоятельство: я боюсь две вещи почти одинаково сильно. – к концу предложения я практически перешла на шепот. На меня опять навалилась безысходность. Прокашлявшись, я продолжила, стараясь, чтобы голос звучал насмешливо. – Вот он и раздумывает, что же выбрать? – Я замолчала не в силах продолжить.

– И? – подтолкнул меня Виктор. – Чего же ты боишься?

– Боюсь, что из-за моего поступка могут пострадать мои родные. – сама не поняла почему начала именно с этого страха. Наверное, потому что второй – это слишком личное. Или потому что хотела уточнить у Виктора один вопрос. Посмотрев ему в глаза, я спросила, не скрывая обеспокоенности. – Они могут это сделать? Наказать мою семью?

– Могут, – не задумываясь, ответил Виктор. – Конечно, их не убьют, и не сильно покалечат... – Это он так пытается меня успокоить? – с сомнением спросила я саму себя. Вздохнув, я пробормотала, скорее для себя, чем для него.

– Значит, необходимо убедить нессира, что этого я боюсь не так сильно...

– А второе? – Я хотела притвориться, что не поняла вопроса. Но потом решила просто отмахнуться.

– Какая разница? Ты все равно мне не веришь!

– Но а все же? – настаивал Виктор. Вот настырный! – я была настолько раздражена, что выпалила.

– Да, насилия я боюсь! – заметив, что он не понял, я уточнила (зачем?). – Изнасилования... – Виктор окинул мою фигуру задумчивым взглядом, задержавшись на разорванном платье, которое виднелось из-под его футболки. Я поморщилась и сказала. – Это нессир решил

меня припугнуть. – не совсем правда, но все же! – А потом и продемонстрировать остальным их будущую подстилку. – Меня несколько раз передернуло от отвращения.

– Значит ты понимаешь, что тебя ждет, – задумчиво сказал Виктор. – если нессир выберет второе, и тем не менее сознательно предпочитаешь это? – Я пожалала плечами и твердо сказала.

– Это мое преступление, и только я должна из-за него страдать! – отвернувшись, я посмотрела на прутья решетки. Так остался ещё один вопрос. – А... ты не знаешь: нессир Владимир обычно участвует в подобных забавах?

– Нет, не участвует, – твердо сказал Виктор. – Считает это ниже своего достоинства. Да и, я думаю, эмпатия мешает. – Я озадачено нахмурилась. Может, именно из-за эмпатии он попытался меня приласкать? Все равно ничего непонятно. Я дотронулась до шеи и, вспомнив о его поцелуях, передернулась от отвращения. Встав, я подошла к раковине, желая вновь умыться. – А к чему ты это спросила? – Виктор буквально прожег мою спину взглядом. Я же просто пожалала плечами. Есть вещи, про которые я не собиралась рассказывать своему соседу.

Также как и про свою невинность! Я поморщилась: вот стоило так беречь себя, ожидая настоящих чувств, чтобы все *так* закончилось? И вообще, для своей безгрешной (по крайней мере в этой области) жизни, у меня есть и более рациональное объяснение (помимо ожидания своего принца). Ну не могла я заняться сексом, не боясь при этом спалиться! В смысле, выдать в себе Носящую ЛжеПечать! Я это не про эмоции и не про их проявление сейчас говорю! Вы про разницу в температурных режимах не забыли? Что сверхлюди намного холоднее меня? Нет, я не боялась замерзнуть! Я боялась, что мой мужчина заметит, что я теплее его. Конечно, можно было бы обмазаться кремом с ног до головы! Но тогда бы я, действительно, замерзла. Думаете, этот крем так уж приятен и холод не доставляет неудобств? Ошибаетесь! Обычно я наносила его только на руки, и то, чем можно соприкоснуться с другим человеком. Летом это ещё и плечи и даже ноги (точнее голени).

Так, что я оказалась в замкнутом круге! Что? Как справлялись с этой проблемой другие Носящие ЛжеПечать? Сама бы хотела это узнать! Но спросить не у кого было. В своих размышлениях я вновь вернулась к кровати и посмотрела на Виктора. Неожиданно меня озарила догадка, как я могу доказать ему, что я, действительно, носящая ЛжеПечать. Крем уже должен прекратить свое действие (намазалась я им в 7 утра, а сейчас уже около 7 вечера) и, следовательно, температура должна вернуться к норме, то есть к 36,6 градусам, а не 34-35. На всякий случай я проверила, дотрагиваясь пальчиками до шеи под волосами (там я никогда не мазала крем). Один в один. Я присела на кровать рядом с Виктором и торжествующе улыбнулась ему.

– Я знаю, как могу доказать, что я все ещё обычный человек! Что моя Печать – фальшивка! – Виктор удивился и вопросительно посмотрел на меня. Я взяла его за руку обеими ладошками и пояснила. – Температура тела у меня такая же, как у тебя! – он должен был это почувствовать. Я ожидала, что он сразу поймет свою ошибку. И даже, наверное, извиниться передо мной. Но он ещё больше нахмурился и вырвал руку.

– Как оригинально?! – съехидничал он. – Думаешь, я не знаю, что сейчас есть крема поднимающие температуру кожи на пару градусов? – Я удивленно моргнула. Ну да, можно было предположить, что такие крема существуют. Но зачем они? Чтобы любой мог внедриться в Подполье? Наверное, они уже сталкивались с чем-то подобным. Интересно, если мне неприятно, когда температура кожи ниже моей собственной, то шпионам, наверняка, неприятно обратное.

– Хмм, не думаю, что шпионы полностью обмазываются этим кремом. Предлагаю тебе дотронуться до любого участка моего тела! – опять я сначала сказала, а потом подумала. Смысл моих слов дошел до меня, когда я увидела ехидную улыбку Виктора. Покраснев, я поспешила уточнить. – Ой! То есть... – он нетерпеливо прервал меня.

– Хочешь доказать, что не шпионка? – спросил он. Я кивнула, и его рука тут же скользнула на мой затылок, а затем спустилась к шее. Большим пальцем он поглаживал мою щеку,

притягивая меня к себе. Он что собирается меня поцеловать? – додумалась я, когда между нами уже оставалось несколько сантиметров. И с размаху залепила ему кулаком в грудь, попав по красивому такому синяку с приятным фиолетовым отливом (да, не специально я, думаете было время прицеливаться?). Виктор негромко охнул, отпуская меня. – За что? – спросил он.

– Я говорила серьезно! – буркнула я.

– Я тоже серьезен! – сердито сказал он. Я скрестила руки на груди, всем своим видом выражая недоверие. Виктор со вздохом пояснил. – Температуру тела в отличие от температуры кожи изменить нельзя. – Он думает, что этим хоть что-то объяснил? Виктор опять тяжело вздохнул. – Обмажь ты лицо кремом хоть десять раз, температура внутри тебя не изменится!!! – ААА!!! – додумался мой заторможенный мозг. – Но как же все-таки это неромантично! Целоваться только для того, чтобы проверить температуру во рту! Фе!! Стоп!!! А причем здесь вообще романтика?

Неожиданно мои мысли сменили направление. А как бы он проверил мужчину? Не задумываясь, я тут же озвучила свою мысль. Глядя на его вытянувшееся лицо, я захихикала. Виктор быстро справился с эмоциями и, снисходительно улыбнувшись, ответил.

– Я бы не стал проверять мужчину. – Он что думает, что своей серьезностью успокоит мое веселье. Я все ещё похихикивала, когда Виктор бросил. – Тем более, я очень сомневаюсь, что нессир стал бы подсылать в мою камеру мужчину. Привлекательной женщине гораздо проще очаровать мужчину и вытянуть необходимые сведения. – Видимо мое непонятное веселье прогрессировало, так как я тут же кокетливо взглянула на Виктора. И похлопав ресничками, с интонацией опытной соблазнительницы спросила.

– А я настолько привлекательна? Я очаровываю тебя?

– Как будто сама не знаешь?! – буркнул Виктор, отворачиваясь.

– Ну... не знаю, – протянула я. Ведь я, действительно, не считала себя настолько привлекательной. Да, симпатичная, но у нас в России много симпатичных девушек. Внешность вполне стандартная. Почти правильные черты лица (впечатление портили только упрямый подбородок и чуть вздернутый носик). Темно-русые волосы (сейчас они мелированные) и серо-голубые глаза с зелеными крапинками. Фигура, тоже ничего, я довольно стройная от природы (а не благодаря многочисленным диетам) и грудь присутствует (одним словом, на вешалку не похожа). А вообще, поклонников, у меня особо много никогда не было. Короче, на соблазнительную шпионку явно не тяну. Да, и вообще, о чем это я думаю? Напрягшись, я вспомнила о чем мы говорили до этой перепалки. – Ладно, проехали! Что касается теста... Не уверена, что твое доверие мне настолько важно, но...

– Забудь! – оборвал меня Виктор. – Я сморозил глупость. – Я зашипела от негодования. Всё!!! Он меня разозлил!! Вот возьму сейчас и сама его поцелую, чтобы он подавился всеми своими обвинениями. Он продолжил, не замечая моего возмущения. – Возможно вы уже изобрели какую-нибудь жидкость для ополаскивания рта!

– Тьфу, ты!!!! – в сердцах воскликнула я. – Ну ты и дурак!!! – Я подскочила с кровати и отошла к решетке. Немного успокоившись, я решила забрать с кровати плед и устроиться на полу. Ага, легче остановить коня на скаку, чем отобрать у Виктора плед. Откуда я знаю про коня на скаку? Так это я просто к слову сказала (я ещё не самоубийца, чтобы попробовать). После нескольких минут отчаянной борьбы, я смирилась с поражением. – Фу!! Жмот!!! – ещё и топнула ногой напоследок, прежде чем отошла в полюбившийся мне угол. – Девочкам нельзя на холодном сидеть. – Я уже хотела присесть опять на пол, когда услышала, как открывается дверь. Я отпрянула обратно. Усевшись рядом с пустым подносом, приняла самую расслабленную позу. Окинув нас странным взглядом, все тот же Илья с напарником прошли к камере. Я посмотрела на Виктора (без футболки), на кровать (смятую в пылу борьбы за плед), на себя, пытаюсь посмотреть со стороны. Хмм, похоже, догадываюсь какие мысли посетили полицейских.

– Мальчики, – начала я нахально. – А больше у вас ничего поесть не завалилось? – Илья как раз забирал поднос. – А то после хорошего секса так пробило на поесть! – Виктор бросил на меня странный взгляд, но промолчал. Илья, кажется, впал в ступор от моей наглости. Бросив на меня хмурый взгляд, он поспешно покинул камеру, а потом и отделение, прихватив с собой напарника.

– Зачем ты их дразнишь? – спросил Виктор после минутного молчания. – Ведь они могут потом отыграться. – Моё веселье мигом как рукой сняло.

– А ты думаешь, мне к тому моменту будет уже не все равно? – тихо сказала я, вставая с кровати. Я прошла в свой угол и присела на пол. Виктор резко поднялся и, подойдя ко мне, легко подхватил меня на руки. Опаньки! И как я могла принять Виктора за слабого и изможденного пленника?! Ещё и думала, что у меня есть шанс против него? Я непроизвольно сжалась, когда он опускал меня на кровать. Наверное, он что-то уловил в моем лице, потому что не сел на кровать А просто присел на корточках напротив меня.

– Я же сказал, что не трону. – со вздохом сказал он немного раздраженно.

– А почему я должна тебе верить? – хмуро бросила я. – Ты же мне не веришь! – Виктор пожал плечами и, забрав плед, постелил его возле решетки. И устроился там. Я села на кровати, поджав под себя ноги. Мысли опять потекли в ужасающем для меня направлении. Желая хоть как-то отвлечься, я попросила Виктора. – Расскажи мне что-нибудь о Подполье? Ну, что точно известно несиру... – Мужчина ещё больше нахмурился, и я поспешно предложила. – Ну или о себе... Как тебя поймали? Как ты вообще оказался в Подполье?

– С чем связано твоё любопытство? – спросил он. Я пожала плечами, не говорить же ему, что оставаясь наедине со своими мыслями и страхами, начинаю потихоньку сходить с ума. Виктор изучающе посмотрел на меня и после продолжительной паузы начал рассказ. Так как он не мог говорить ни имен, ни мест, ни специфики их деятельности, рассказ получился очень сжатым. Подполье организовано было в тот момент, когда вышел Приказ о массовом запечатывании. Естественно, он не сказал, ни кто, ни зачем организовал это Сопrotивление. Зато сообщил, что в Новосибирске оно одно из самых крупных в мире, опять же умолчав почему. Рассказал, что его поймали во время очередной операции. И как подозревал сам Виктор, его сдал кто-то из своих. Я спросила, чем он занимался до появления инопланетян. Работал обычным юристом в коммерческой организации, он спросил, чем занималась я. Ответила, хотя не совсем понимала, зачем он меня спросил, все равно не поверит ни одному моему слову. Так, за ничего не значащими фразами прошел вечер.

Зевнув в очередной раз, Виктор предложил поспать. Я кивнула и кинула ему подушку (если это недоразумение можно так назвать). Сомневаюсь, что смогу заснуть, но соседу явно нужен отдых, ещё не известно, что его завтра ожидает. Отвернувшись к стенке, я свернулась калачиком и уставилась ничего не видящим взглядом в стену. Мысли пронеслись в моей голове, но я насильно гнала их прочь. Услышав сопение возле решетки, поняла, что мой сосед по камере заснул. Вот сейчас бы и поплакать всласть, но... слез не было. Закрыв глаза, я попробовала заснуть. В конце концов усталость взяла свое, и я задремала.

Проснулась среди ночи от странного шума. Какой-то мужчина ковырялся с замком камеры, пытаясь его вскрыть. Рядом стоял Виктор, ожидая когда тот закончит, и о чем-то еле слышно переговаривался с ним. Я моментально вскочила с кровати, сразу же сообразив, что нас пытаются спасти. Ну не нас, а только Виктора! Но кто говорит, что меня нельзя с собой прихватить. Незамеченная я подошла к Виктору и выдохнула шепотом.

– Я с вами! – Мой сосед резко обернулся и хмуро посмотрел на меня. Ой, черт! Он же до сих пор не верит мне!!! Я видела, что он хочет что-то возразить, поэтому усмирив гордость, умоляюще посмотрела на него. – Ты не можешь меня здесь оставить!!! – Он заколебался. Дверь еле слышно скрипнула, открываясь.

– Быстрее, у нас мало времени! Камеры на улице будут отключены ещё минут десять, не больше!– прошипел взломщик. Виктор ещё раз взглянул на меня и выпалил.

– Хорошо! Но если ты окажешься шпионкой, я сам тебя убью! – и схватив меня за руку, потянул к выходу. Я не стала задумываться над его обещанием убить и постаралась не отставать. Мы покинули отделение и пробежали по коридору до первой открытой двери. Свернув в кабинет, подбежали к окну и открыли незапертую раму, а затем решетку. На землю Виктор спрыгнул первым и протянул руки мне, чтобы помочь спуститься. Я заколебалась всего на секунду, раздумывая не отказаться ли сейчас от его помощи, все-таки не слишком высоко (это моя гордость проснулась). Виктор по-своему расценил эту заминку. – Ты можешь ещё вернуться! Мы легко определим, настоящая ли твоя Печать и если нет... – Я чуть отодвинулась и сама спрыгнула на землю. Естественно, немного подвернула ногу. Последним выпрыгнул наш спаситель и сразу протянул какой-то наушник Виктору. Глубоко вдохнув свежий ночной воздух, я подумала: неужели спасена?

Глава 6

Под дулом пистолета...

Практически сразу мы сорвались с места и галопом помчались к центру. На бегу Виктор с кем-то переговаривался, объясняя, почему не один.

– Мы не пойдем с ней в Подполье, используем квартиру № 4. Это по пути... Схрон ключей там же?... Предупреди шефа, что понадобится его помощь. Он должен проверить – взгляд в мою сторону. – нашу даму.

Поразительно, у меня всегда были проблемы с физкультурой, а тут... Умудрилась даже не отстать от мужчин!!! Вскоре мы свернули в дворик. Возле второго подъезда Виктор отделился от нас и направился к кусту, растущему чуть поодаль. Вскоре нагнал нас уже у двери у подъезда. Открывая дверь, он сказал своему товарищу.

– Уходи! Ты ещё успеешь добежать до подполья... Я не могу рисковать тобой!

– А собой ты рисковать можешь?! – с усмешкой спросил тот, проходя в подъезд. Мы поднялись на третий этаж, и Виктор открыл неприметную железную дверь. Внутри все выглядело как в обычной квартире. Кто-то из мужчин включил свет, и я посмотрела на своего спасителя. Хмм, парень примерно моего возраста, может, даже чуть младше. Пока я его рассматривала из соседней комнаты вернулся Виктор. С пистолетом!!! И наставил его дуло прямо мне в голову! Пистолет?!?! Мама, дорогая, роди меня обратно!!! Я замерла от ужаса. Чего я так испугалась?! Да, сейчас огнестрельное оружие можно увидеть только по телевизору, в старых боевиках и триллерах. После пришествия инопланетян прошло активное разоружение бандитских группировок по всему миру, черные рынки, на которых продавалось разнообразное оружие перестали существовать лет пять назад. И даже военные и полицейские во всем мире пользуются новым оружием. Что-то вроде электрошокера, причем дальность поражения почти, как у обычных пистолетов... А здесь у какого-то Сопrotивления обнаружился пистолет, и, наверное, не один.

– Хоть одно неверное движение, и я нажму на курок. – Ещё и с предохранителя снял, гад. Я сглотнула, мимоходом заметив какую-то лишнюю деталь. Ан-нет, не лишняя – глушитель, догадалась я. В фильмах главные герои под прицелами 20 пушек сохраняют полное спокойствие! Враки это все!!! Мне вот одного пистолета хватило, чтобы задрожать как осиновый лист. Виктор заметил мое состояние и спросил почти без сарказма. – Чего ж ты так боишься?

– А ты стоял хоть раз под дулом пистолета? – я старалась, чтобы голос прозвучал саркастически.

– Стоял и не раз! – его глаза потемнели. Только сейчас я заметила, что он напряжен как струна.

– А, понятно, – протянула я (голос все равно подрагивал). – Значит, все дело в практике...

– Если ты одна из нас, тебе нечего бояться! Шеф быстро определит, кто ты. – он что думает, что успокаивает меня?

– И каким же образом? – спросила я. Виктор промолчал. А я всерьез озадачилась этим вопросом. Насколько точно тестирование его шефа? А может я у них в какой-то картотеке? А если какие-то данные утеряны? Короче, а не может ли он ошибиться? Что-то не хочется быть убитой ни за что ни про что. Те несколько минут, что мы ждали их шефа, для меня тянулись бесконечно долго. Я старалась не шевелиться: а то вон какой Виктор нервный, пристрелит и не заметит.

И когда услышала шум в коридоре, я чуть расслабилась. Виктор наоборот напрягся ещё больше. Я стояла спиной к двери, и сейчас совсем чуть-чуть повернулась, чтобы хоть краем глаза увидеть вошедшего. Заметила только общий силуэт мужчины. Виктор сделал шаг

навстречу, не отрывая взгляд от меня. Я тоже смотрела на него, потихоньку поворачиваясь к их командиру.

– Я рад, что с тобой все в порядке, – сказал вошедший Виктору. Я перевела взгляд на него, теперь я могла увидеть его в профиль. Дальнейшее происходило, как в замедленной съемке. Неожиданно вошедший повернулся и посмотрел на меня. Фиолетовые глаза?! Неогуманоид!!! Вздрогнув, я отшатнулась от него, забыв про направленный пистолет. Виктор сомневался не более секунды. Я услышала, как возрастает давление на курок (как я могла это услышать?), и поняла, что сейчас я умру! Я успела закрыть глаза, когда прозвучал приглушенный хлопок... Но я все ещё была жива. Открыв глаза, я поняла благодаря чему, точнее кому. Реакция, конечно, у нессира классная! Он успел отвести пистолет, и пуля угодила в потолок. – Виктор, она своя! – одернул нессир несостоявшегося убийцу. Я не замечала, как постепенно пячусь от них двоих, затравленно озираясь по сторонам. Я уже не была уверена, что так уж хочу в это подполье. Нессир озабоченно посмотрел на меня и поднял руки, в знакомом жесте: «сдаюсь». Неогуманоид сделал осторожный шаг ко мне, приговаривая. – Тихо, тихо, Алесья! Все в порядке!!! Теперь все будет хорошо! Больше никто тебя не обидит!

С моих губ сорвался истерический смешок и... плотину прорвало. Я почувствовала, как из глаз потекли слезы. Нессир кинулся ко мне и заключил в объятия. А я не просто позволила себя обнять, я ещё и уткнулась лицом в его рубашку и разревелась, как ребенок. Облегчение, смешанное с горечью от всего происшедшего буквально вырывалось из меня. Нессир меня утешал, так... умело. Поглаживал спину и шептал ничего не значащие слова. Я почувствовала себя, как в детстве, в надежных объятиях отца. Краем сознания я уловила еле слышный смешок нессира и поняла: это он услышал про отца. Я смутилась и чуть отодвинулась от него.

– Спасибо! – прошептала я, не поднимая взгляд. Он дотронулся до моего лица, приподнимая подбородок.

– Не смущайся, – с теплой улыбкой сказал он. – Все в порядке! – я кивнула, но все же отступила на шаг. Какие же они все-таки разные, эти неогуманоиды?! Этого я даже не знаю, как зовут, однако проревела в его объятиях минут 5. Я вообще ничего такого себе не позволяла в обществе незнакомых людей (то есть и наполовину людей тоже). Он вновь уловил мои мысли. – Меня зовут Максим Олайе! И мы уже знакомы, хоть ты и не помнишь. – Кажется, удивилась не я одна. Ведь он сказал свое полное имя: а у неогуманоидов – это высший знак доверия. Дело в том, что после слияния двух существ, новое имя нового существа составляется из имен человека и диамонга. Неогуманоиды обычно используют только человеческие имена, не желая раскрывать имя «гостя». Даже в документах личности значится просто: нессир Владимир или нессир Максим. С чем это связано? Не знаю! Но факт остается фактом. Максим улыбнулся и сказал. – Потом как-нибудь объясню.

– Я... Можно мне умыться?

– Да, конечно! В соседней комнате в шкафу есть одежда. Можешь присмотреть себе что-то. – Я улыбнулась в знак благодарности и поспешила туда. Уже открыв дверь шифоньера, услышала в зале голос Максима. – Вить, тоже присмотри себе что-нибудь. Нам лучше не привлекать к себе внимание. От случайных прохожих мы не застрахованы. – Я быстро нашла себе брюки и какую-то кофточку. Услышав как открывается дверь, я обернулась, уже зная кого увижу на пороге. Быстро стянула с себя его футболку (спрятавшись за открытой дверью) и кинула ему. Хотелось швырнуть в лицо, но удержалась.

– Благодарю, – прошипела я. – А теперь выйди! – Виктор не пошевелился и хотел что-то сказать. Я нетерпеливо его перебила. – Выйди! Я скоро освобожу комнату. – Общаться с ним категорически не хотелось! Не после того, как он меня чуть не убил!

– Виктор, выйди из комнаты! – услышали мы голос Максима. Витя послушно покинул комнату. Я быстро переделалась и, посмотрев в зеркало, осталась вполне довольна результатом.

Конечно, было немного неловко из-за отсутствия бюстгальтера (ну, не смогла я заставить себя рыться в чужом нижнем белье), но что поделаешь. Я вышла в зал и направилась в ванну.

– Алеся, – позвал меня неогуманоид. – Мы что-нибудь придумаем насчет твоей одежды. – Я смутилась и даже, кажется, покраснела. Кивнула и поспешно отвернулась. Максим пробормотал. – Эээ... прости...

Я пожалала плечами и прошмыгнула в ванну. Наверное, я ещё не скоро привыкну к тому, что мои мысли так легко читают. Я умыла лицо холодной водой, потом ополоснула шею в том месте, где её касался Владимир. Захотелось стереть следы от его прикосновений, поцелуев... Я передернулась от воспоминаний и, скинув кофточку, ополоснулась сверху. Хотелось, конечно, принять душ, но время не позволяло. Вытершись полотенцем и одев кофточку, я вышла в зал. И почти сразу натолкнулась на обеспокоенный взгляд Максима.

– Алеся, ты в порядке? – Опять слушал мои мысли, пока я была в ванной? Я прикрыла глаза, пытаясь справиться с чувствами.

– Нессир Максим, – медленно начала я. – Прошу, не надо присматривать за мной. – (сие означает: прекрати читать мои мысли). Открыв глаза, я посмотрела на Максима. – Со мной все в порядке. Я справлюсь. – Максим грустно улыбнувшись, сказал подходя ко мне.

– Ещё не в порядке... Но ты справишься. – взглянув на часы, он сказал. – Через семь минут выходим, разбиваемся по парам. Встречаемся уже в Подполье.

– Можно я с вами пойду? – сразу же пристала я к нессиру.

– Не надо обращаться ко мне на вы. И конечно, можно. – он вновь улыбнулся. А он вполне привлекательный мужчина... Лет тридцать пять. Высокий (выше меня сантиметров на десять, но немного ниже Виктора), спортивного телосложения, темные волосы, правильные черты лица. Вот только глаза... ну не могла я привыкнуть к глазам без радужки и зрачков. Сразу становилось как-то неловко под их взглядом. Нессир скривился, и я поняла, что он опять «услышал» меня. Ой! – Спасибо за привлекательного мужчину. А что касается глаз... – он закрыл глаза. А когда открыл они приняли вполне обычный вид, даже без фиолетового отлива. О?! Уу?! Ёёё?! Он и так может????! А как? – Это сложно и ужасно неудобно! И вообще делает наполовину слепым. – Он снова прикрыл глаза, спустя мгновение они вновь стали фиолетовыми. – В данном случае на лучшую половину. – Я хмыкнула. Нессир быстро взглянул на часы. – Пора. – И все направилась к выходу. Уже перед выходом из подъезда неогуманоид протянул мне руку. Я взяла её, с удивлением замечая, что он значительно холоднее меня, холоднее даже сверхлюдей (раньше я как-то не обратила на это внимание). А ведь Владимир был теплее, когда мы здоровались с ним за руку. Нессир еле слышно шепнул мне. – Владимир – очень сильный неогуманоид.

На этот раз мы не бежали, а передвигались почти шагом, маскируясь под обычных прохожих. Виктор с Владом почти сразу отделились от нас. Минут за пять мы дошли до площади Ленина и направилась к ближайшему переходу. Я ожидала, что мы просто перейдем на другую сторону. Но нессир остановился у какого-то магазина. Быстро открыл дверь и, не включая свет, прошел к служебному помещению. Как он ориентировался в полнейшей темноте не знаю, а я крепко вцепилась в его руку, надеясь, что это спасет меня от падения, если вдруг запнусь. Максим закрывал за нами двери и, вообще, старался делать все возможное, чтобы не оставлять никаких следов нашего присутствия.

– А как Виктор с Владом доберутся? – шепотом спросила я, когда он отодвинул тумбочку и стал шарить по стене.

– Воспользуются другим входом. – также тихо сказал Максим, «отодвигая» стену. Моя челюсть непроизвольно отвисла. Поспешно подобрав её, я прошла внутрь, повинаясь его жесту и остановилась в нерешительности. Максим сначала поставил тумбочку на место и только потом задвинул стену. После чего нас накрыла непроницаемая мгла. Я почувствовала, как Максим взял меня за руку и потянул дальше внутрь. Там он снова остановился на мгновение

и, судя по всему, нажал какую-то кнопку, потому, что неожиданно посветлело. Выглянув из-за плеча Максима, я увидела, что он отодвинул ещё одну стену. А за ней был освещенный холл, где нас уже ждали.

– Все нормально? – обеспокоенно спросила девушка.

– Да, Марина, все хорошо! Степа, – обратился Максим к мужчине с наушником. – Ребята ещё не добрались?

– Уже на подходе. – ответил тот, и посмотрел на меня.

– Знакомьтесь, Алесья Павлова, одна из Носящих ЛжеПечати. – представил меня нессир. – Она поживет пока здесь, а потом... мы что-нибудь придумаем. Марина – мой секретарь и по совместительству офис-менеджер нашего подземелья, Степан – связист. – он уже шел по коридору, продолжая держать меня за руку. Я постаралась не отставать от него. Встречающая нас парочка также последовала за Максимом. Мы спустились по довольно глубокой лестнице, прошли несколько коридоров мимо закрытых дверей (я периодически подбирала свою челюсть: ничего себе подземелье!) и зашли в довольно просторную комнату. В центре большой стол, кресла вокруг, один угол полностью заставлен непонятной мне аппаратурой. За сверхновым компьютером сидел какой-то парень.

– Всё! Они уже попали в подземелье! – радостно закричал тот, и тут же активно застучал по клавиатуре.

– Ребята скоро будут здесь, – улыбнулся Максим, поворачиваясь ко мне. – Можешь пока присесть. – кивнул он на кресло. Я с удовольствием последовала предложению, залезая в стоящее чуть поодаль кресло с ногами. Тем временем остальные о чем-то негромко переговаривались. Через минуту вбежали запыхавшиеся ребята. Все тут же кинулись обнимать Виктора. Прямо приветствуют его как героя, вернувшегося с войны. Я непроизвольно поморщилась, и моя реакция не ускользнула от нессира. – Алесья, – позвал он меня. Я постаралась невинно улыбнуться, Максим покачал головой. – Я хочу, чтобы ты поняла, что Витя очень сильно рисковал, забирая тебя с собой из тюрьмы. – Я не подумала скрыть свой скептицизм: и чем же он рисковал? У меня не было никакого переговорного устройства, никакого датчика на обнаружения местоположения. Не говоря уже об оружии. – Но он-то этого не знал. Сейчас изобретают такие передатчики, что их невозможно обнаружить никакими приборами... – Нессир замолчал, видно что-то решая. – Кроме того... у нас в центральном УВД появился информатор, – он не обратил внимание на недоуменные возгласы окружающих. Недовольны, что он раскрыл мне эти сведения, или они сами не знали про информатора? – И последние пару лет он иногда успевал заранее предупредить о готовящихся арестах ЛжеПечатников. Часто мы успевали предупредить их и спрятать в Подполье. Иногда он не успевал, но сообщал сразу после ареста. Про тебя он нам ничего не сообщил. И об этом уже знал Виктор, когда забирал тебя из камеры. – Я удивленно посмотрела на Виктора. – Теперь ты понимаешь? Кроме твоих слов ничто не подтверждало то, что ты действительно арестована за ЛжеПечать. – Все устались на меня, наверное, тоже пытались понять почему информатор не сообщил им обо мне.

– А кто ваш информатор? – спросила я. Нессир пожал плечами.

– Мы не знаем. В целях собственной безопасности он делает все возможное, чтобы остаться неизвестным. Но сегодня он даже помог нам устроить побег. – Я хмыкнула, размышляя почему он ничего не сказал Подполью про меня.

– Моим арестом занимался лично нессир Владимир. – начала я. – Его помощник Михаил проверил меня накануне и вроде поверил, что моя Печать настоящая.

– Ага, твоя выдержка просто поразительна, – с улыбкой сказал Максим. Неужели уже просмотрел мои воспоминания?

– Но на следующий день он заявился вместе с нессиром. И тот сразу понял, что Михаил ошибся. И они арестовали меня и сопроводили в тюрьму.

– Нет, не сразу. – возразил Максим. – Нессир Владимир провел тактильную экспертизу твоей Печати. – А чего это все так удивленно на меня таращатся? Я невольно поежилась. Нессир ответил на мой вопрос. – Просто он никогда, никогда не применял эту экспертизу. Обычно он сразу определяет преступников по их эмоциям. Никто не в силах сдержать панику, и если на лице может ничего не отразиться, то в душе... А ты... почти сразу поняла, кто он, но тебе удалось сохранить спокойствие даже когда прозвучало обвинение. – Я пожалала плечами.

– Ну, я же знала, что он может читать мысли. К тому же я ничего не знала про эту экспертизу. И тогда думала, что мне стоит упираться до последнего... Вдруг пронесет? – Я вновь пожалала плечами. – А вообще, я к чему начала рассказывать... Может, ваш информатор был просто не в курсе, что собираются арестовывать Носящую ЛжеПечать? А после ареста... меня почти никто не видел, когда меня привез нессир, да и потом, когда вели на допрос. – я поморщилась, ужасно не хотелось вспоминать о случившемся на этом допросе. – Зато, когда вели обратно, в коридоры высыпало довольно много сотрудников. Но большинство решило, что я из Подполья. Может, и ваш информатор так подумал? И решил, что вы и так знаете о моем аресте.

– Почему тебя приняли за одну из нас? – спросила Марина. Я пожалала плечами, смотря куда-то в сторону. Не хотелось ни думать, ни тем более говорить об этом.

– Я была в разорванной одежде. – с трудом выдавила я, отвернувшись. Мне не надо было даже поворачиваться, чтобы почувствовать, как озадаченно переглядываются остальные. Думаю, все знали, каким образом вытаскивают информацию из девушек из Подполья. Виктор молчал, Марина все же решилась спросить.

– Но почему?..

– Если хочешь я могу рассказать остальное, – предложил Максим мне. Я посмотрела на него. Да, это была неплохая идея, но... Эээ... как бы попросить, чтобы он кое-что не рассказывал? Некоторые вещи – слишком личные. Нессир тут же сказал мне. – Без лишних подробностей. – Я кивнула. Он обратился к остальным. – Теперь я знаю, как наказывают Носящих ЛжеПечать. Раньше у всех были слишком разрозненные воспоминания о самом наказании. У всех была разная кара, и теперь я понимаю почему...

Дальше я не захотела слушать, и попыталась отвлечься от его голоса. Меня начало клонить в сон, видимо адреналин закончился в крови. Я решила пройтись по залу. В принципе довольно обычная комната, такая могла встретиться в обычном офисе, в конференц-зале. И даже угол, заставленный всевозможной техникой, не портил общего впечатления. Но одно явно бросалось в глаза – отсутствие окон. Против моей воли некоторые слова Максима добивались до моего мозга, заставляя вспоминать сегодняшний (или уже вчерашний) день. Так, Алеся спокойно!!! Все уже позади!!! Ты выбралась из тюрьмы, и теперь тебе уже ничего не угрожает! Я замерла от ужаса: мне – да, а моим родным? Я резко обернулась и посмотрела на Максима, он уловил всплеск моих эмоций и, прервав рассказ, повернулся ко мне.

– Я постараюсь проверить это! – пообещал он мне. А если он решит не рассказывать мне об этом, не желая расстраивать? Максим нахмурился. – Обещаю, я тебе расскажу, если что-то случится с твоими родственниками. Хотя сомневаюсь, что им что-то грозит. Ты же сбежала! А цель наказания – это заставить преступника захотеть настоящую Печать, чтобы больше никаких мыслей о неповиновении новому режиму не было в головах наказанных и запечатанных. – Я догадалась об этом ещё тогда при общении с Владимиром. – Кстати, я не хочу тебя осуждать. – неуверенно начал Максим, подходя ко мне. О чем это он? – Я наоборот восхищен твоей храбростью и силой воли... Но зачем было провоцировать нессира? Не слишком безрассудно было бросать ему вызов? Владимир не успокоился бы пока не сломал бы тебя.

– Я это поняла... Но мне нечего было терять. – прошептала я, прекрасно осознавая, что вру. Владимир мог бы смягчить наказание... наверное... А так он бы продолжал меня мучить до самого конца. Интересно, сумасшествие в моем случае, считалось бы поражением? Я опять передернулась от воспоминаний. – Он хотел заставить меня желать запечатывания! А я... не

хотела этого. Не хотела желать стать недочеловеком! Я не могла так просто сдаться! – Зачем я говорю это вслух? Нессир и так видит все в моих воспоминаниях! Не уж-то хочу, чтобы меня поняли все остальные? Но зачем мне это? Они мне никто, и я для них никто!.. Опять я вру сама себе: они теперь моя семья, мои друзья по несчастью. Мы все теперь изгои общества! Мы – преступники в этом новом мире! Потому что не захотели подчиниться системе!

Глава 7

Первые часы в Подполье

Максим хмыкнул, одобряя. Не мои слова, мои мысли насчет семьи. Но продолжил разговор насчет Владимира.

– А ты не думала, что в случае с тобой, если бы тебя не сломило одно наказание, Владимир бы исполнил второе?

– Нет, не подумала, – призналась я, с ужасом осознавая, что он прав. А может, он для этого отправил меня в камеру к Виктору? Он же знал, что тот мне не доверяет. И поэтому не будет особенно церемониться.

– Не знаю, но вполне возможно! – сказал Максим.

– Вы забываете, что остальные–то не слышат чужие мысли! – вмешался Виктор раздраженно.

– Алеся предположила, что Владимир отправил её в твою камеру, чтобы ты воплотил в жизнь один из её страхов. – пояснил Максим всем остальным. – Тогда бы он спокойно реализовал другой. – Виктор тоже пожал плечами, наверное, тоже не мог определить насколько верна моя догадка. А забавно ведь! Если бы Владимир знал, к чему приведет его приказ?! Они не стали бы ковыряться с замком другой камеры, пытаясь освободить непонятно кого. Я сама не заметила, как улыбнулась. Максим посмотрел на меня и тоже улыбнулся, только как-то грустно. Потом со вздохом признал. – Да, тебя бы, действительно, не стали вытаскивать из другой камеры. А когда мы бы узнали правду, было бы слишком поздно. – Я пожалала плечами. Как-то сразу навалилась усталость и захотелось спать.

– Значит, мне повезло. – я горько усмехнулась.

– Ты можешь пойти спать, если хочешь. Завтра я отвечу на любые твои вопросы. Или можешь расспрашивать ребят. – Максим озабоченно посмотрел на меня. И чего он так со мной носиться? Как с малым ребенком? И сколько заботы?! Я просто улыбнулась и кивнула. – Тогда Виктор тебя проводит...

– Эээ... – а вот Виктора мне сейчас не надо, да и вообще не надо. – Я думаю, вам есть, что с ним обсудить. Так что, может, меня кто другой проводит.

– Не переживай, мы подождем. – настаивал Максим. Виктор тем временем подошел ко мне.

– Да не стоит. – с усилием сказала я, продолжая вежливо улыбаться. Вот... ведь прекрасно понимает, что я не хочу с ним общаться, а все равно настаивает!!!

– Я хочу с тобой поговорить. – сказал Виктор мне.

– А я не хочу! – уперлась я, как баран. Знаю, веду себя, как капризный ребенок, но не хочу я обмениваться любезностями с моим несостоявшимся убийцей.

– Да извиниться я хочу, – вспыхнул Виктор.

– О!!! У вас в Подполье так принято извиняться?! Рыча, как разъяренный лев? – не могло не съехидничать мое эго. Виктор закрыл глаза, видимо пытаясь успокоиться. И уже нормальным тоном сказал, посмотрев мне в глаза.

– Прости меня! Я не должен был нажимать на курок, не разобравшись до конца.

– Ой, да лаадно... – протянула я издевательским тоном. – Всякое бывает!!! Ну подумаешь, пристрелил бы ни в чем не повинного человека... Ничего, одним трупиком больше, одним меньше. Какая разница? – Я пожалала плечами, отворачиваясь. На самом деле я злилась больше на то, что он довел меня до истерики! И более того, видел мои слезы, как ещё двое участников той сцены. А я ведь продержалась весь день! Сам его поступок уже не вызывал во

мне ту бурю эмоций, я поняла мотивы, поняла, но не приняла! Ведь будь реакция нессир чуть медленней, и меня бы не стало.

– Алеся! – одернул меня нессир. – Но не мог Виктор предположить, что после общения с Владимиром, ты можешь так неадекватно отреагировать на любого неогуманоида. – Я закатила глаза, пытаюсь подавить гнев на Максима. Он ни в чем не виноват! – несколько раз повторила я про себя. Олайе молчал, наверное, ждал когда я успокоюсь. – Тем более Виктор засомневался всего на секунду, но этого времени мне хватило. – Ах, я ещё и благодарна должна быть за ту секунду?! – Я вновь одернула себя. – Максим ни в чем не виноват! Он спас меня!

– Давайте, обсудим это попозже! Я ужасно хочу спать, – я сделала жалобные глазки.

– Хорошо! Марина проводит тебя. – со вздохом сказал Максим. Марина направилась к выходу, я следом за ней. Аккуратно закрыв за собой дверь, я чуть притормозила. Судя по моему опыту, сейчас должны меня обсуждать. А мне ужасно интересно послушать.

– О каких подробностях она не хотела, чтобы ты говорил? – голос Виктора. Проницательный, гад!!! Ну-ка послушаем, что ответит нессир! Проверка на вшивость! Обманет или не обманет мое доверие? Марина, наконец, заметила, что я не иду следом и вернулась за мной. Я прижала к губам палец, умоляя её взглядом молчать. Марина задумалась, а потом с плутоватой улыбкой кивнула и тоже подошла к двери.

– Алеся не хотела рассказывать один эпизод с нессиром. Он не хотел её запугать, и не для того порвал одежду, чтобы остальные ею полюбовались. Он собирался САМ её изнасиловать. И она знает это! Но меня удивил ещё один факт. Владимир остановился, сам, хотя желал её. Она думает, это потому что она смогла придумать психологическую защиту. Она заставляла себя думать, что это только тело... Но это ей не помогало! И думаю, сам Владимир это понимал. Я подозреваю, что нессир прекратил её мучить, потому что сорвался. Он начал ласкать её, и вместо грубого насилия захотел доставить ей удовольствие... Так что я думаю, Алеся его чем-то зацепила! Ему это не понравилось, и он стал подчеркнуто жесток к ней. – Максим замолчал, а я пыталась подобрать челюсть. Пока безуспешно. Я понравилась этому гадкому, холодному (я не про температуру тела сейчас говорю), отвратительному ублюдку? Это невозможно! Максим удивленно произнес. – Алеся? – Ой-ёёё!!! И как он меня засек?! Неужели я так громко думала.

– Это был вопрос времени, когда он тебя обнаружит. – прошептала Марина мне.

– Подслушивать под дверью неприлично! И тебя, Марина, это тоже касается. И не надо говорить, что ты просто её дожидалась. – Я открыла дверь, уперла руки в боки. Лучшая защита – это нападение! Проверено на практике.

– А рассказывать чужие секреты – это прилично?! – так ещё и злобный взгляд бросим. Нет, Максим ведь, действительно, не прав (не надо забывать, что он читает мысли, и показное возмущение не прокатит)!

– Я не знал, что это секрет. – с полуулыбкой возразил Максим. Чувствуется, раскусил меня. Но мне правда было неприятно: а что ещё он обо мне расскажет остальным? Ведь есть же совершенно личные вещи. Максим мягко сказал, подходя ко мне. – Я больше ничего не буду рассказывать за твоей спиной. – Я кивнула, не вполне убежденная его словами. Я опустила взгляд, не желая оскорблять его своим недоверием. Максим дотронулся до моего подбородка, заставляя смотреть поднять взгляд. – Так что скажу сейчас. Ты – очаровательное создание, неосознающее своей притягательности. И вполне возможно, что даже такой ублюдок, как Владимир...

– Это чушь, – нетерпеливо перебила я его, поморщившись. Да не способно это омерзительное животное на какие-либо чувства! Да, и я далеко не очаровательна! Я – вредная, вспыльчивая, язвительная колючка (пять лет принудительного прилежания ещё больше испортили мой характер). Нессир улыбнулся.

– Чувствуется, каждый останется при своем мнении... – Я пожала плечами. – Ты вроде спать хотела? – Моя голова усиленно закивала, мозг тут же отключился и пошел на боковую. –

Тогда приятных снов. – Я вышла, следуя за Мариной. На повороте обернулась и увидела, что нессир все ещё стоит на пороге. Проверяет, что я, действительно, ушла?

Марина привела меня в небольшую комнатку. Кровать, тумбочка, маленький шкаф, вот и все, что могло здесь поместиться. А нет ещё стул у стенки стоит.

– У нас немного проблемно с помещениями, – пожав плечами, сказала Марина. Да, это и так понятно. Все-таки это подземелье.

– Спасибо, – с улыбкой поблагодарила я. Марина кивнула и покинула комнату. Моих сил хватило только на то, чтобы снять брюки с кофточкой и залезть под одеяло. Едва голова коснулась подушки, и я тут же отрубилась.

Проснулась я от голода. С трудом продрав глаза, я взглянула на часы, что стояли на тумбочке. Уже двенадцать часов! Ничего себе я поспала! Я быстро оделась во вчерашнюю одежду и вышла из комнаты. Ну и куда дальше? Надо найти, где здесь можно умыться, а главное, где можно поесть. Желудок согласился со мной голодным урчанием. Оглядевшись по сторонам, решила пойти на гул голосов. За поворотом оказалось довольно просторное помещение. Вроде как гостиная, большой телевизор в центре, кресла и диван напротив. А здесь довольно многолюдно... И все уставились в телевизор, сейчас как раз «Новости» показывают. Я сама посмотрела на экран... и замерла. Мое фото на весь экран, и диктор вещающий о сбежавшей преступнице, то есть обо мне: ФИО, возраст, отличительные черты. Вот и прославилась! Причем на всю Россию, а не только на НСО (местные новости будут чуть позже). Диктор уже дошел до обещанного вознаграждения за любую информацию о моем местоположении. Я в восхищении присвистнула (может саму себя сдать, а?). И тут же попала в центр внимания, до тех пор я оставалась незамеченной. Я в растерянности оглянулась по сторонам, замечая знакомых: Виктор, Степан, Марина, Влад, и ещё пара десятков незнакомых лиц. Нервно улыбнулась.

– Ну, кто хочет подзаработать? – бодренько так спросила я. Знаю, чувство юмора хромает на обе ноги. Но чего на меня так все уставились?! Кто-то хмыкнул, кто-то хрюкнул. На экране уже появилась другая фотография: Виктор (а он довольно симпатичный без синяков, вру, его можно назвать даже красивым), теперь диктор озвучил его данные (29 лет – я почти не ошиблась), вознаграждение (такое же, как у меня). Ну тут уж я не могла смолчать. И посмотрев на Виктора, протянула ехидненько так. – О, а я думала, ты более ценный член Подполья. А вот нессир нас приравнял. – Виктор хмыкнул и с улыбкой сказал.

– Ну, думаю, он это от большой любви к тебе! Переоценивает твою значимость. – Я сладко улыбнулась, подыскивая подходящий ответ. Вот к чему приводит отсутствие практики в словесных поединках! И именно в этот момент мой желудок решил о себе напомнить. Виктор нахмурился и подошел ко мне. – Пойдем, провожу в столовую! Ты же вчера почти ничего не ела. – Я поморщилась, отступая на шаг. Витя тяжело вздохнул. – Ты не сможешь меня постоянно избегать. – Я пожалала плечами: может, поспорим? Но кивнула и пошла следом за ним. Пару коридоров и мы на месте. Но в столовой было пусто. Виктор пояснил мне, направляясь на кухню. – Обед будет только через час. Но я попробую договориться с грозной тетей Машей! – И скрылся в кухне, я осталась в столовой. Как-то не хотелось попадаться под горячую руку поварахи. Вскоре оттуда послышалась ругань и грохот железной посуды. Мое воображение тут же нарисовало картину: грозная тятя Маша гоняет поварешкой Виктора по кухне, а тот пытается защищаться, выставляя кастрюли как щиты. Я хихикнула, уже собираясь потихоньку прокрасться на кухню и посмотреть, хотя бы одним глазком. Но вскоре на пороге итак появились действующие лица. Дородная тетка лет сорока и правда угрожала поварешкой Вите.

– И кому так не терпится поесть, что не может подождать полчаса?! – грозно начала она, окидывая столовую хмурым взглядом. Я быстренько состроила на лице жалобную мину, всем своим видом изображая оголодавшую невинность. Желудок решил поспособствовать по мере своих сил и снова заурчал. Тетя Маша сразу изменилась в лице. – Ой, совсем оголодала, да?

Вон какая худенькая, совсем заморили девочку! – запричитала она, возвращаясь на кухню, и уже оттуда. – Ты проходи сюда, доченька... – Эээ, а я не перестаралась, изображая бедную родственницу? – подумала я, следуя за сердобольной поварихой. Виктор шел за мной. Тетя Маша накрывала один из столов, стоящий возле стены, вытаскивая из холодильника кучу всякой снеди. Эээ, она что думает, что я с голодного края сбежала? Я чуть не поскреблась в затылке, но в этот момент она посмотрела на меня. – Да, ты садись, садись. – Я послушалась, присаживаясь на один из стульев. Тетя Маша уже достала и столовые приборы, причем на двоих. Я подозрительно взглянула на Витю.

– Я тоже проспал завтрак, – пожал плечами тот, садясь рядом. Я прищурилась: ах, вот как! А как заливал-то: пойдём, провожу, попробую договориться! Бла-бла-бла! Ради себя же старался! Он заметил мой недобрый взгляд. – Что? Я вполне мог и потерпеть полчаса!

– А я что, не могла? – шепотом возмутилась я, не желая расстраивать тетю Машу. Он вновь пожал плечами. Я плюнула на него и переключилась на завтрак... или обед! Ну судя по количеству съестного, здесь и на завтрак, и на обед, и на ужин хватит, причем на нас двоих! Я с удовольствием принялась за салат. Потом перекинулась на уже разогретые блинчики со сгущенкой, потом в ход пошли и оладья со сметаной. Запивала я все это ароматным чаем. Как же вкусно?! Когда я увидела творожную запеканку, было уже поздно. Желудок был набит под завязку! Я кидала жалостливый взгляд то на неё, то на пирожки, думая, может все-таки войдет, если усиленно постараться.

– Может, парочку котлет, хотите? – раздалось от плиты. Я посмотрела на Виктора (стоит заметить, что он не только не отставал от меня по количеству съеденного, но и легко перегнал) и поняла, что он тоже полон под завязку.

– Нет, спасибо, – ответила я за нас двоих, откидываясь на спинку стула. Может, если чуть-чуть подождать, то в желудке немного утрамбуется. И можно будет съесть вон тот пирожок с капустой! Виктор последовал моему примеру: тоже рассматривает подобную перспективу. Я вздохнула поглубже и решила поспрашивать его немного о подземелье. – Ну, раз ты навязал мне свое общество за завтраком, потешь хоть рассказом о Подполье. – Виктор задумчиво посмотрел на меня. Не понравилась предложенная мной роль шута?

– Вот мне интересно: ты всегда такая язва, или просто до сих пор злишься за вчерашнее? – спросил он. Ну, слово «злость» здесь явно не подходит! Я хочу его четвертовать, повесить, застрелить и сварить живьем в котле! Очередность не важна, главное, чтобы он был в сознании до самого конца. Я бросила на Витю красноречивый взгляд. Он тяжело вздохнул, всем своим видом демонстрируя, как тяжело ему со мной. – Ну, я же извинился вчера... – ещё один красноречивый взгляд примерного содержания: засунь свои извинения куда подальше, и он замолчал. Я все же потянулась за приглянувшимся пирожком. Виктор подал мне блюдо, чтобы я не тянулась через весь стол. Надо же какой галантный?! Я скривилась, пытаюсь выдавить из себя благодарную улыбку. Потом плюнула на это дело и принялась за пирожок. Виктор улыбнулся и как можно дружелюбнее спросил: – И что ты хочешь узнать?

– Ну хотя бы где мы находимся? Здесь глубже чем в метро, и совсем его не слышно.

– Слышала о подземных ходах? Они берут начало под Оперным театром и тянутся на несколько километров в разные стороны. Это одна из веток. Максим обнаружил их схему в старых архивах Мэри и решил их использовать. Схему подредактировал, и теперь на бумаге туннеля как такого нет, просто тупик, правда при желании мы можем проникнуть в основной ангар, что под оперным театром. Там действительно было четыре уровня. И в бункер тоже можно попасть. Здесь сейчас около трехсот пятидесяти человек, преимущественно мужчины. Девушек мы стараемся переправить в более безопасное место. – Он остановился (решился на запеканку), а я молча обдумывала вопрос: интересно, куда это девушек отправляют? – Здесь остаются только самые необходимые для Подполья или те, у кого в этом месте появляется возлюбленный. Они остаются в Подземелье до свадьбы, а потом мужья на законных основаниях

спроваживают их подальше. Правда сначала Максим устраивает им медовый месяц. Остальные живут в деревнях или поселках городского типа, где практически никого нет из полиции, а проверки устраиваются раз в несколько месяцев. – Глаза у меня по мере рассказа все увеличивались и увеличивались. Свадьбы, мужья, деревни, проверки? Что за?.. Они что и правда пытаются жить обычной жизнью? Тут в кухню вошла девушка с какими-то пакетами. Она выглядела как первоклассная модель, сошедшая с обложки журнала. Здесь ей явно не место!

– Алеся? – спросила она, подходя ко мне. Мои брови поползли вверх, но я просто кивнула. – Меня зовут Вера, нессир Максим попросил купить для тебя все самое необходимое из одежды. – и указала на пакеты. Всё! Теперь я точно похожа на героя аниме: такие огромные у меня сейчас глаза. Эта модель занималась поисками одежды для меня? Она неуверенно помялась. – Может, пойдем к тебе в комнату, ты посмотришь, подойдет ли тебе одежда. – Я кивнула, вставая. Посмотрела на повариху. Надо бы как-нибудь отблагодарить её.

– Спасибо вам большое, тетя Маша. – я улыбнулась ей. – Может, я вам могу чем-нибудь помочь? Там приготовить что-нибудь... – мозг ехидно заржал в моей голове, спрашивая меня: Это ты так хочешь её отблагодарить? Да, если ты не перетравишь всех обитателей подземелья, то уж несварение им точно будет обеспечено! А отвечать-то она будет. Да тебя даже дома мать к плите не подпускает, жалея желудки членов семьи. Ну ладно, мозг, перестань, порезать я что-нибудь спокойно могу, да и картошку почистить...

– Ой, да не стоит, Алесенька! У меня ещё две помощницы есть. Так что не переживай. И если что заглядывай в гости. – Я ещё раз поблагодарила её и покинула кухню. Виктор увязался следом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.